

Вячеслав Ременчик

Родился в 1965 году в г. Бобруйск Могилевской области. Окончил Бобруйское художественное училище, факультет культурно-просветительной работы Львовского высшего военно-политического училища, факультет международных отношений Института государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Полковник запаса, дипломат, член Союза писателей Беларуси. Публиковался в литературно-художественных изданиях Беларуси и России: «Новая Немига литературная», «Неман», «Літаратура і мастацтва», «Москва», «Молодая гвардия», «Невский альманах». Издал две книги. Автор-исполнитель песенных произведений. В настоящее время живет в Санкт-Петербурге.

Поваренок (повесть)

Первая незаконченная рукопись этой невыдуманной истории была безвозвратно утеряна. Вряд ли бы решился на повторный шаг, но смешной фарфоровый поваренок на кухонной полке — солонка из старинного столового набора — постоянно напоминал мне об обещании, данном себе много лет назад.

*Рядовому
Левину Мотелю Абелевичу
посвящается*

1.

Пулемет на чердаке палил без остановки. Свинцовые градины беспощадно крошили серые камни мостовой в мелкую колючую крошку. Огонь велся прицельно и плотно покрывал всю маленькую круглую площадь на Штралауэр Штрассе¹.

¹ Самая старинная улица Берлина, заложенная в XIII веке. Находится в районе самого старого берлинского рынка — площади Молькенмаркет.

Взвод трижды поднимался в атаку, но тот, кто засел на чердаке красивого двухэтажного особняка (точь-в-точь, как на литографиях Райнхольда Фелкеля² в Дрезденской картинной галерее) в тополиной рощице за площадью, каждый раз одерживал верх. И каждый раз солдаты, кто за мертво, кто живой, с желанием уцелеть, под страшный аккомпанемент стрельбы валились на мостовую за развалинами летнего амфитеатра. Уцелевшие терпеливо ждали той счастливой минуты, когда у немца закончатся патроны или он вместе с пулеметом, чердаком, Гитлером и всей чертовой Германией провалится в преисподнюю.

Прошло без малого четыре часа, но ни одно из загаданных бойцами желаний не осуществилось. При таком раскладе оставалось одно — реализовать самую насущную в этот день мечту, оформленную в устный приказе командира взвода лейтенанта Прохора Семеновича Кузьменкова: «Сковырнуть пулеметчика с чердака!». Увы, проклятый фашист не оставил ни малейшего шанса хоть на метр приблизиться к ее осуществлению. Два мощных прожектора под крышей всем своим боееспособным видом ставили под сомнение возможность что-либо предпринять под покровом темноты. Впрочем, до ночи надо было еще дожить: солнце находилось в самом зените, и фриц с задором крошил мостовую.

Открытое, насквозь обозримое, пространство вокруг площади без каких-либо помех простреливалось пулеметчиком. Любое движение лежащих на брусчатке тел мгновенно пресекалось кинжальной очередью. Патронов фриц не жалел — судя по всему, их было много. По огненным вспышкам из чердачного окошка можно было предположить, что в распоряжении у стрелка не менее трех пулеметных стволов, и он их умело чередует: пока второй номер заправляет ленту в первый, второй остывает, а третий мечет свинец.

Превращенная в решето рация бесполезным ящиком покоилась рядом со своим бездыханным владельцем — радистом Колей Сивцовым. Метрах в двадцати поодаль лежал посланный за подмогой Гриня Панасюк, сраженный меткой очередью, а это значило, что подкрепления до конца войны можно не ждать — вряд ли в дивизии скоро хватятся маленького стрелкового взвода, исчезнувшего в большом, бурлящем военными страстями, городе.

Переключка, проведенная взводным час назад, выявила потери: двое безвозвратных, трое раненых, один из них — тяжелый.

— Да когда ж ты заткнешься, фашистская гнида, — в сотый раз подряд простуженным басом хрипел комвзвода Кузьменков.

² Австрийский художник (1873–1938), автор серии цветных литографий с изображением немецких городских особняков и загородных вилл.

И тихо, скорее для себя, чем для окружающих, добавлял:

— Эх, пушечку бы сюда...

А в это же время в центре Берлина шел штурм Рейхстага. Город содрогался от грома орудий, пылал огнем пожаров, утопал в черном едком дыму, истекал кровью тысяч убитых и раненых.

2.

Как только первые пулеметные очереди накрыли взвод, Мотя упал плашмя на мостовую и откатился к ближайшему укрытию, при внимательном рассмотрении оказавшемся сраженной взрывом статуей Геракла. И вот уже несколько часов он лежал в пяти шагах от взводного и рядышком с нещадно искрошенными пулями и осколками полубогом. Громадный мускулистый торс древнего грека надежно защищал щедрое маленькое тело красноармейца. За это подаренное судьбой время он в мельчайших подробностях изучил беломраморное изваяние. Внешне мифический герой был полной его противоположностью. Низкорослый, тощий человечек, прошедший всю войну от Москвы до Берлина, прижимался к сраженной снарядом мощной каменной глыбе. Опознав в статуе образ сына Зевса и Алкмены, он внутренне улыбнулся. Гераклом год назад под Курском Мотю нарек тогдашний комвзвода Бельский, когда Левин притащил на себе из разведки тяжелораненого стокилограммового старшину Солоного. Позже ротный шутник Валерка Блинцов, сложив два имени в одно и, помножив полученную сумму на философскую Мотину мудрость, присвоил ему новую кличку: Геромот. Правда, кличка, прожив пару дней, отклеилась сама собой (имя Мотя было гораздо удобней для произношения). Красноармейца Левина за ту разведку наградили второй «За отвагу»³, а Бельский и Валерка погибли в одном бою под Вислой.

3.

Пулеметчик щедро всадил в мостовую очередную порцию свинца.

— Эх, пушечку бы сюда, — снова послышалось со стороны комвзвода.

За всю войну Кузьменков был четвертым после двух погибших и одного списанного по ранению взводных. Да и состав подразделения за четыре года обновился не один раз. В этих стихийных и плановых

³ Медаль СССР для персонального награждения за личное мужество и отвагу, проявленные при защите Отечества и исполнении воинского долга.

ротациях никто из командования и рядового состава не обратил внимания на тот удивительный факт, что рядовой первого взвода третьей роты второго батальона 336-го гвардейского стрелкового полка Левин Мотель Абелевич без усталости и без единой царапины прошел со своей родной частью всю войну. Бог берег его, и страшная старуха с косою обходила стороной. Один единственный раз Мотя попал в медсанбат, и то по причине зубного флюса. Проблему при помощи спирта и щипцов мгновенно решил пожилой рукастый фельдшер Макарыч.

— Кто ж тебя так заговорил, солдат? — спросил его командир дивизии генерал Фогель, вручая ему медаль «За боевые заслуги»⁴ после форсирования Днепра (до противоположного берега со всей роты доплыл лишь неполный взвод).

Тогда Мотя пожал плечами, хотя совершенно точно знал ответ. Он свято верил в то, что от роковой пули его берегут дочурка Раечка, жена Софа, мама Циля, папа Абель, бабушка Рахель и дедушка Ефим.

В сентябре сорок первого они все были расстреляны фашистами в овраге у деревни Каменка⁵, что недалеко от Бобруйска. Об этом Мотя узнал спустя три месяца. Он открыл конверт с письмом от тети Хаи в холодной землянке под Москвой. Война, лишив его самого дорогого, не позволила задохнуться в безутешном горе. Он даже не успел зарыдать в голос, громко, на всю Вселенную, как подсказывало сердце. Как только письмо упало на пол, земля содрогнулась от взрывов немецкого артудара. А после в атаку на наши позиции пошли танки и пехота. Мотя стрелял прицельно, машинально перезаряжая винтовку. Люди в серых шинелях падали почти синхронно с его выстрелами. В контратаку он поднялся первым, примкнул штык и молча с трехлинейкой наперевес бежал до вражеских порядков впереди наступающей цепи; с пяти шагов выстрелил в живот долговязому немцу, второму с хриплым выдохом свернул квадратную челюсть прикладом и молниеносно пронзил штыком впалую грудь молоденького офицера. Вынимая лезвие, не удержался на ногах и упал спиной на бруствер, выронив винтовку из рук. Внезапно навалившемуся на него всем своим грузным телом фашисту он вцепился в кадык зубами и крепко сомкнул челюсти...

Он не помнит, как вернулся на позиции после той рукопашной. Только во рту на долгие годы остался горько-соленый вкус немецкой крови.

⁴ Медаль СССР, которая вручалась за умелые, инициативные и смелые действия, сопряженные с риском для жизни.

⁵ В деревне Каменка под Бобруйском в 1941 году фашистами и их пособниками было расстреляно более десяти тысяч евреев из Бобруйского гетто, включая стариков, женщин и детей.

Ночью они пришли к нему: дочурка Раечка, жена Софа, мама Циля, папа Абель, бабушка Рахель и дедушка Ефим.

Содержания письма в роте так никто и не узнал. Свое горе Мотя на всю жизнь сохранил глубоко в себе, оставаясь для окружающих все тем же интеллигентным, скромным и застенчивым человеком. Лишь немногие, самые наблюдательные сослуживцы замечали, что глаза рядового Левина стали похожими на два безжизненных черных отверстия-амбразуры, и лицо навсегда покинула улыбка.

Жалость к тем, кто был по ту линию фронта, как и страх перед смертью, Мотя сжег вместе с письмом от тети Хаи. Очень быстро для командиров он стал отличным солдатом, живым воплощением боевого устава, хорошим стрелком, знатоком разведки, атаки и ближнего боя. Еще Мотю, как учителя немецкого, часто привлекали к допросам «языков» в качестве переводчика. И комбат, и ротный, и взводный называли его доверительно по имени и часто поручали ему сложные и опасные задания, так как были уверены — Мотя не подведет. Он отказался от сержантского звания и учебы на офицерских курсах и оставался рядовым Мотелем Левиным, идущим в атаку в первых порядках, заговоренным от пуль и осколков, приближавшимся шаг за шагом к своей заветной цели — вцепиться зубами в горло зверя, убившего его семью и отмстить за все сполна...

4.

Сегодня несколько раз, несмотря на окрики взводного, он порывался броситься к проклятому дому. Наглядным свидетельством этому служили несколько новых дырок в плащ-палатке и оторванный пулей каблук на левом кирзаче. Родной ППШ⁶ с полным диском бесполезно валялся рядом.

Майское солнце приятно грело спину, проникая своими гостеприимными лучами через сукно шинели и гимнастерку. Хотелось пить, а фляга давно опустела. Мотя снял ее с ремня и аккуратно уложил в вещмешок, потом достал из его недр деревянную шкатулку, а из нее — желтую довоенную фотографию и на мгновение прикоснулся к ней губами. Снимок источал приятное домашнее тепло. Ему счастливо улыбались нарядные, во всем новом по случаю Песаха⁷, дочурка Раечка, жена Софа, мама Циля, папа Абель, бабушка Рахель и дедушка Ефим.

⁶ Советский пистолет-пулемет, разработанный в 1940 году конструктором Шпагиным Г. С.

⁷ Еврейская пасха.

Как только шкатулка с фотографией была бережно уложена в вещмешок, непонятно откуда рядышком возник грязно-рыжий, всколоченный, весь в проплешинах кот, сжимавший в острых зубах серую хвостатую крысу. Рыжий охотник зыркнул единственным глазом на лежащего красноармейца и прошмыгнул вместе с добычей куда-то под беломраморного Геракла. Мотя приподнялся над статуей: кота нигде не было видно, — значит он не побрел дальше по улице, а исчез именно под каменным изваянием! Плотно прижав ухо к земле, солдат даже не услышал, а почувствовал далекое урчание воды, так, как будто он лежал прямо над быстрой подземной рекой.

— Товарищ лейтенант! Товарищ лейтенант! — Мотя окликнул взводного. — Ползите скорее сюда!

И, опасаясь, что командир откажет подчиненному в этой неожиданной просьбе, добавил:

— Пожалуйста!

Но Кузьменков сразу смекнул, что рядовой Левин, солдат смекалистый и дисциплинированный, вызывает к себе офицера неспроста, и, плотно вжавшись в мостовую, стал медленно ползти в сторону Мотиного убежища. Всевидящий пулеметчик сразу узрел шевеление на площади, и свинцовый дождь стал обильно поливать булыжник, высекая из него сотни мелких острых осколков.

Как только командир, так же, как и Мотя, почувствовал подземное движение воды, они, упираясь ногами в неровности мостовой, а ладонями в стацию, стали двигать ее по гладким отшлифованным временем камням. Мотя видел, как опухла посеченная каменной крошкой щека Кузьменкова, и правый рукав его шинели на глазах напитывался бурой кровью, но взводный, тяжело дыша, с остервенением толкал и толкал стацию, словно знал, что под ней таится спасение.

Фашист на чердаке, видимо, почуяв неладное, непрерывно давил на гашетку. Пули беспощадно терзали тело полубога, каждой очередью превращая его в бесформенный кусок мрамора. Когда взводный получил очередное ранение в ногу, он еле слышно застонал сквозь плотно сжатые зубы и, грузно повернувшись на бок, уткнулся лицом в плечо подчиненного. Мотя, словно защищая командира от новой беды, как крылом прикрыл его краем плащ-палатки. Так они и лежали рядом — рядовой и раненый офицер.

— Мы открыли канализационный вход. Тоннель должен тянуться прямо под улицей, — прохрипел Кузьменков, горячо дыша ему в ухо. — По нему попытайся добраться к дому и разорви в клочья этого гада на чердаке.

Не отрывая кровотока щеки от Мотиного плеча, он вытащил из-под ремня и вложил ему в ладонь тяжелую противопехотную гранату.

— Я очень тебя прошу, — Моте показалось, что эти последние слова взводного он не услышал, а почувствовал, ведь лейтенант даже не разомкнул белые потрескавшиеся губы.

Когда Левин по грудь опустился в открытый люк, Кузьменков вдруг окликнул его и протянул трехцветный командирский фонарик.

— Себе оставишь. На память...

5.

Как только Мотя, цепляясь за шаткие проржавевшие скобы, спустился под мостовую, он оказался в мрачном подземном царстве мутной бегущей воды, смердящего стоячего воздуха и несметных полчищ крыс, оккупировавших все редкие сухие поверхности.

Фонарик пришелся очень кстати. Его длинный желтый луч как бы подбадривал солдата, освещая путь метра на три, высвечивал один за другим плывущие по воде предметы, которые причудливыми тенями отображались на бордовых кирпичных стенах.

Гордо, как каравелла по бескрайнему океану, мимо проплыла совсем целехонькая книжная этажерка, за нею — кукла без головы; цепляясь за стену, неспешно скользил по воде остов старинного стула с резными гнутыми ножками. Мотя пристально всматривался в бесформенную темную грудку, которая, медленно кружа, двигалась прямо на него. Как только грудка оказалось рядом, он, наконец, распознал в ней труп немецкого солдата. Голова в тяжелой каске почти исчезла под водой, над поверхностью виднелись острый гладко выбритый подбородок, широкая вздыбленная грудь с железным крестом и большие белые ступни босых ног.

Левин по пояс в воде, осторожно прощупывая дно каждым шагом, почти бесшумно брел по просторному ровному тоннелю. То слева, то справа над водой свет выхватывал круглые ответвления в человеческий рост, из которых пенные потоки бурно вливались в центральную магистраль. Вдруг совсем рядом из одного такого отверстия с гортанным криком вывалилось и громко бултыхнулось в воду нечто большое и довольно увесистое. Зловонные брызги достали до лица, залили глаза и нос. Левин резко вскинул автомат, палец слился с курком в готовности дать старт смертоносной очереди.

Большим и увесистым оказался немец в черном мундире шарфюрера СС⁸ (Мотя, как военный переводчик, хорошо разбирался в фашистских званиях). Толстяк мгновенно вынырнул, ослепленный светом фонарика, резко вскинул руки над головой и сиплым сильно простуженным фальцетом пропищал:

⁸ В переводе на советские воинские звания — старший сержант.

— Nicht schießen! Ich habe keine Waffe! Ich bin getroffen!⁹

Когда Мотя сдвинул луч света чуть в сторону, шарфюрер, вероятно узнавший в темном силуэте над водой советского солдата, уж слишком пискляво и очень жалостливо добавил:

— Ich bin Jude!¹⁰

Мотя, конечно же, не поверил эсэсовцу (какой к черту еврей?!); он с трудом боролся с желанием ввинтить свинцовую очередь в это круглое необъятное брюхо. Однако рядом могли быть товарищи фрица, а ввязаться в незапланированный бой значило бы поставить под угрозу выполнение главной задачи — ликвидации огневой точки на чердаке. Поэтому вместо желанной очереди он негромко, но уверенно ответил:

— Wo führt dieser Tunnel hin?¹¹

— И указал стволом на изрыгающее желтую пену отверстие, минуту назад выплюнувшее фашиста.

— Dieser Tunnel führt zum Pappelplatz!¹² — не опуская рук, пропищал немец и, видимо, осознавав, что его сейчас не убьют, громко выдохнул.

Его маленькие пуговки-глазки испуганно бегали над толстыми щеками и жестким разрезом узкого рта.

Повезло так повезло! Если фриц не врет, то вскоре он окажется как раз у того самого чертова дома! Мотя еще раз на прощание осветил шарфюрера (действительно без оружия, но с виду не раненого, а тем более — непохожего на еврея) и, легко подтянувшись, прошмыгнул в подсказанный немцем тоннель.

— Möge der Heilige Moses dich beschützen!¹³ — просипел за спиной простуженный фальцет.

Это уже перебор! Захотелось вернуться и набить фашисту морду, но впереди уже виднелся падающий сверху дневной свет.

6.

Он медленно поднялся по шатким металлическим скобам и, приблизившись к границе подземного мрака и солнечного света, снял с головы и заткнул за ремень пилотку, потом, чуть дыша, осторожно выглянул из

⁹ Не стреляй! У меня нет оружия! Я ранен! (нем.)

¹⁰ Я еврей! (нем.)

¹¹ Куда ведет этот тоннель? (нем.)

¹² Этот тоннель ведет в тополиный сквер! (нем.)

¹³ Пусть оберегает тебя святой Моисей! (нем.)

колодца. Поток свежего воздуха с легкой пороховой горчинкой после подземного зловония приятно вскружил голову. Выход из канализационного тоннеля оказался посреди уютно разместившейся на берегу реки¹⁴ тополиной рощицы, прямо на бетонной дорожке рядом с опрокинутой парковой скамейкой. Чугунная крышка канализационного люка валялась рядом. На ней восседала крупная глазастая ворона. Завидев гостя из подземелья, она громко раскатисто каркнула и лениво взмыла в небо. Мотя долго сопровождал птицу взглядом, пока она не слилась с жирными ошметками черного дыма, кружащимися над оглушенным разрывами и стрельбой городом.

Роща, вернее, городской сквер с обрамленными тополями, ровными аллеями, был совершенно пуст, если не считать нескольких неподвижных распластанных по траве тел в грязно-серой немецкой форме.

Тот самый ненавистный дом с фашистской огневой точкой находился в метрах ста от Мотиного временного убежища. Он имел хорошую возможность обозревать особняк с тыльной стороны. Вся придомовая территория с несколькими аккуратными постройками была как на ладони. За невысоким ажурным заборчиком с настезь распахнутыми воротами стоял большой военный грузовик без водителя с затентованным кузовом, из которого худенький чумазый подросток в форме «гитлерюгенда»¹⁵, свесившись с борта, поочередно подавал жестяные цинки с боеприпасами такому же хилому парнишке, тоже облаченному в мешковатое, совсем не по росту, военное тряпье (в Берлине Мотя уже успел насмотреться на сопливых, обычно плачущих, пленных в такой же форме). Тот, что стоял на земле, скорым шагом носил коробки с патронами к крыльцу и складывал их там в аккуратную стопку.

«Подача боеприпасов у "гансов" налажена. Нетрудно догадаться, что потом сопляки волокут все это богатство на чердак, где его принимает второй номер и рассовывает по пулеметным лентам», — смекнул Левин.

И уже вслух добавил:

— Сейчас я вашу схему поломаю.

План дальнейших действий молниеносно нарисовался в голове. Эти двое во дворе — не бойцы, их в расчет можно не брать. Но он не знал, сколько вооруженных людей находятся в доме, и в этом заключался основной риск. В качестве зыбкого преимущества у него имелись: фактор внезапности (его здесь уж точно не ждут), полный диск в ППШ для ниж-

¹⁴ В этом районе Берлина протекает река Шпрее.

¹⁵ Юношеская нацистская военизированная организация, состоявшая из немецких юношей в возрасте от 14 до 18 лет.

них двух этажей и граната для пулеметного «гнезда». Так думал Мотя. И ему не хотелось даже помышлять о том, что в доме все не так, как он представлял, и действовать придется по-другому.

Было совсем не страшно погибнуть в конце войны, да и возвращаться ему не к кому. Но только от одной мысли, что задача будет не выполнена, и родной взвод продолжит бесславно умирать на мостовой, его бросило в холодный пот.

Выбравшись на поверхность, не торопясь вставать в полный рост, лежа животом на сочной майской траве, он еще раз осмотрел всю местность вокруг: сзади и по флангам безлюдный сквер, впереди по фронту дом с огневой точкой. Сам себе, как командир подчиненному, поставил задачу: совершить пеший рывок во двор, бесшумно пленить пацанов, допросить их о планировке дома (главное — выяснить, где находится лестница на чердак) и людях внутри и, наконец, с учетом результатов разведки, вступить в бой!

7.

Он снял сапоги и выпустил из каждого струю мутной канализационной воды, потом обернул ноги чистыми сухими портянками, извлеченными из вещмешка. Заодно вещмешок покинула противопехотная граната, заняв свое место под ремнем. Он надел пилотку, как учили — с легким наклоном на правую сторону, застегнул гимнастерку на все пуговицы и привычно навесил на правое плечо снятый с предохранителя ППШ.

— Рядовой Левин к бою готов, — вполголоса доложил Мотя, словно его слышит комвзода Кузьменков.

И через мгновение в ответ на свой доклад он как будто услышал знакомый прокуренный басок:

— В атаку вперед!

Боец легко перемахнул через опрокинутую скамейку, в один прыжок преодолел сливную канаву, пересек пригорок с несколькими реденькими тополями и, уже не скрываясь, ворвался во двор через распахнутые ворота.

Завидев возникшего, как из преисподней, русского солдата, сопливые бойцы «гитлерюгенд» замерли на месте, синхронно дрожа двумя парами костлявых подкошенных колен. Даже на расстоянии Мотя ощущал исходящий от них безумный знобящий страх.

«Если эти двое испугались меня — хоть и вооруженного, но худого, кривоногого и низкорослого, то вот этот номер наверняка повергнет их в ужас», — подумал Левин и, скорчив, как ему казалось, невероятно страшную рожу, по-звериному зарычал.

Один из подростков, тот, что был в рваной униформе, вдруг взвизнул, потом подскочил на месте и стремглав бросился наутек. На глазах своего товарища и «ужасного русского солдата» он перемахнул через забор и скрылся за холмом в тополиной роще.

Того, что, сталкиваясь с неожиданным страхом, дети чаще всего обращаются в бегство, Мотя в своем гениальном плане, конечно же, не учел. «Теперь у меня на все про все еще меньше времени. Беглец может привести подмогу», — пронеслось в голове. В расстройстве он закатил хлесткую оплеуху оставшемуся стоять парню. Тот схватился за уши-бленное ухо и в голос зарыдал. Слезы лились по грязным, не знавшим бритвы щекам, а все худое долговязое тело скорчилось в ожидании неминуемой смерти.

Мотя на пол головы был ниже его ростом, он приподнялся на цыпочки и сильно надавил мальчишке на погон, стараясь усадить его на крыльцо. Можно было и не прилагать таких усилий: тот вдруг обмяк и мешком опустился по стене на каменную ступеньку. Теперь солдат грозно возвышался над своим дрожащим пленником.

Левин направил ему в лицо ствол автомата и, с опаской поглядывая на окна особняка, грозно произнес:

— Ich werde dich nicht töten, wenn du meine Fragen ehrlich beantwortest!¹⁶

Парнишка мелко закивал головой, потом вытер грязным рукавом нос и, старательно преодолевая нервную дрожь, поведал, что он впервые так близко видит русского солдата. Командир им рассказывал, что русские очень жестокие и безжалостные, но сейчас он увидел, что они еще и очень страшные. Особняк принадлежит богатому фабриканту, одному из гитлеровских интендантов, поставляющему вермахту кожаную амуницию. Фанатично преданный великому фюреру нацист выпросил у военного начальства пулеметный расчет для защиты своей любимой семьи. Сам же безумец скрылся в неизвестном направлении. Его супруга фрау Грета с тремя детьми, свекром и свекровью прячется в подвале. На чердаке уже вторые сутки боевую позицию занимает пулеметчик со вторым номером под командой обер-лейтенанта Отто Кляйна. Его же зовут Клаус. Они со сбежавшим Винфридом назначены подносить боеприпасы, которые сами же загружали на складах в грузовик.

«Ну вот, — подумал Мотя, — разведка проведена успешно, дальше все по плану. Только быстро! Очень быстро! Времени у меня в обрез!»

Он ясно слышал частую пулеметную стрельбу сверху. Значит, взвод раз за разом пытается подняться, не очень-то надеясь на то, что рядо-

¹⁶ Я не убью тебя, если ты честно ответишь на мои вопросы! (нем.)

вой Левин выполнит эту сложную задачу. Они даже не знают: добрался ли он? Может, был убит или ранен, не сумев выбраться из канализационного тоннеля, или покоится с пробитой башкой во дворе этого чертового особняка?

— Держитесь, братцы, еще немного продержитесь. Я у цели.

Ему показалось, что немец понял его. Тот снова кивнул головой и нахлобучил серую мятую пилотку глубоко на уши.

8.

— Nimm die Kiste in die Hand und trage sie auf den Dachboden!¹⁷

И, сдвинув брови, зловеще добавил:

— Schnell!¹⁸

Клаус мгновенно выполнил команду. Тонкими, ободранными в кровь руками с длинными пальцами пианиста он схватил верхний цинк с патронами и на полусогнутых тонких ногах шагнул в любезно распахнутую русским солдатом дверь.

Они медленно поднимались по широким дубовым лестницам с резными перилами. Через неплотно задернутые портьеры на больших окнах тоненькими лучиками пробивался солнечный свет. Такую богатую мебель, как в этом немецком особняке, Мотя видел один раз в своей жизни — на школьной экскурсии в ленинградском Эрмитаже.

Дом казался совершенно безлюдным. Только большие портреты в резных рамах напоминали о том, что здесь проживало несколько поколений какой-то знатной прусской фамилии. У большого камина, как ни в чем не бывало, грелся жирный серый кот. А наверху исправно строчил пулемет, и в дрожащем от выстрелов воздухе чуть слышалась человеческая речь. Кто-то из пулеметного расчета громко заливисто рассмеялся. «Освоились, гады. Чувствуют себя тут как дома. Да они, вроде, и есть дома. А мы для них — непрошенные гости. Что ж, вчера вы у нас, сегодня — мы у вас. Так что, не обессудьте — стреляем мы тоже метко. Treffen!¹⁹», — думал Левин, следуя за своим дрожащим долговязым проводником.

Второй этаж, как и нижняя гостиная, был совершенно безлюден. В просторной светлой комнате царил походный беспорядок: на полу у стены валялись военные ранцы, прямо в центре на круглом белом ков-

¹⁷ Бери в руки коробку и неси на чердак! (нем.)

¹⁸ Быстро! (нем.)

¹⁹ Встречайте! (нем.)

ре стояла пара начищенных до блеска офицерских сапог, тут же лежал полосатый матрац, небрежно прикрытый серой солдатской шинелью. На хлипком инкрустированном столике, обильно засыпанном крошками ржаного хлеба, громоздилось множество пустых консервных банок.

Как только они добрались до низкой деревянной дверки, ведущей на чердак, с той стороны послышался голос:

— Klaus! Winfried! Seid ihr das?²⁰

Мотя цепко ухватил Клауса за ворот и сильно до боли ткнул ему стволом ППШ между острых лопаток. Мальчишка ойкнул и пискляво проблеял:

— Wir sind es, Herr Oberleutnant! Wir haben Munition mitgebracht!²¹

Кажется, прошла целая вечность, перед тем как дверь со скрипом отворилась. Красноармеец действовал молниеносно. Он изо всех сил рванул парня за ворот и тот, громыхая патронным цинком, кубарем покатился вниз по лестнице. Но Левин этого уже не видел. Он с силой вдавил палец в курок ППШ и со смаком всадил в полутьму чердака длинную огнедышащую очередь. Как только вслед полетела граната — сиганул через перила вниз, шлепнувшись на паркет, подвернул ногу, автоматным диском разбил губу и, уже завалившись на спину, увидел, как чердачную дверь сорвало с петель, и из открывшегося проема вырвался слепящий столп огня. Бах! — этот хорошо знакомый красноармейцу Левину звук ворвался в его душу как сладостная музыка, как долгожданная кода в его любимом «Эгмонте»²².

После взрыва в доме воцарилась мертвая тишина, только черный густой дым медленно, как большой жирный удав, переползал через чердачный порог и рассеивался вокруг большой хрустальной люстры на потолке.

9.

Слюна превратилась в жгуче-горькую тягучую массу, стало больно глотать, а голову заполнил нудный протяжный звон. Вставать совсем не хотелось, усталость, накопившаяся за этот сумасшедший день, вдруг навалилась на все тело и как будто увеличила его вес в разы. Превозмогая острую боль в ноге, он ухватился руками за лестничные перила и медленно, с глухим стоном встал, потом поднял ставший невероятно тяжелым автомат, вытер ладонью кровь с губы и осмотрелся вокруг.

²⁰ Клаус! Винфрид! Это вы? (нем.)

²¹ Да это мы, господин обер-лейтенант! Мы принесли патроны! (нем.)

²² Увертюра Людвиг ван Бетховена.

Клаус исчез. «Значит, жив мальчишка, если смог драпануть отсюда», — удовлетворенно подумал Мотя. Но надо было убедиться в результатах скоротечного боя на чердаке — тишина могла быть обманчивой, коварной и предательски изменчивой. Если хоть кто-то из выживших еще может дотянуться до оружия, то задачу следует считать невыполненной, и смертельная угроза его родному взводу по-прежнему сохраняется. На этот случай в ППШ еще есть патроны. Но чердак молчал, дом все так же казался безлюдным, лишь в воздухе поселился едкий запах гари, который бесцеремонно забирался в легкие и вырывался назад удушающим рваным кашлем.

Подогнув онемевшую ногу, он цеплялся руками за перила и из последних сил с автоматом в руке карабкался к чердаку. Уже стоя в развороченном взрывом дверном проеме, он убедился, что боевая задача выполнена: крохотное помещение под крышей превратилось в абсолютно безжизненное пространство. Только почерневшие стены, кавардак вещей на полу да обездвиженные внезапной смертью солдатские тела свидетельствовали о недавнем коротком и жестоком бое. Очередь, выпущенная вслепую, в упор сразила молоденького чернявого лейтенанта. Он лежал у самого входа, раскинув руки в стороны, и удивленно смотрел в потолок. Фуражка с гордым орлом на тулье откатилась к опрокинутому деревянному сундуку с разноцветным тряпьем. Пулеметный расчет в полном составе застыл, уткнувшись лицами в аккуратно уложенные в два ряда мешки с песком. Смерть от гранаты застала их в разгар работы. От мощного взрыва чердачное окно вместе с рамой вылетело наружу, и свежий весенний ветерок весело гулял под крышей.

— Ну вот, рядовой Левин Мотель Абелевич, — обратился он к себе, — боевая задача выполнена. Но, как говорит наш взводный, оценку выполненному заданию дает командир!

Он еще раз внимательно осмотрелся вокруг и, опираясь на автомат, доковылял до опрокинутого сундука с ветошью, вытащил из кучи старья вязанный джемпер яркого алого цвета и натянул его на еще горячий ствол немецкого пулемета, остальной арсенал искореженного взрывом оружия полетел вниз на зеленую лужайку. Сооруженная композиция из воткнутого между мешками вниз прикладом пулемета с немецким красным свитером ему очень понравилась. Какая фактура для живописца Райнхольда Фелкеля!²³

Берлинский ветер под какофонию городской пальбы старательно развивал «боевое красное знамя» над Штралауэр Штрассе. Флаг над рейхстагом будет водружен только через несколько часов. Но над горо-

²³ Левин не знал, что известный ему австрийский художник умер в 1938 году.

дом уже разносилось сначала робкое и нестройное, потом уверенное и торжественное победное «ура!». Свою крохотную, но важную победу в этом большом враждебном городе восторженно встречал маленький стрелковый взвод под командованием лейтенанта Прохора Семеновича Кузьменкова. А тот, кто с таким трудом добыл эту победу, стоял у чердачного окошка в полный рост рядом с алым самодельным флагом и, устало опираясь на автомат, восторженно наблюдал, как его изрядно потрепанный взвод на глазах обретает черты полноценного боевого подразделения.

Люди, словно пробуждаясь ото сна, неспешно поднимались с пыльной мостовой, деловó, буднично приводили себя в порядок, сносили на газон раненых и погибших. Двое дюжих бойцов бережно, как особо ценный раритет, положили взводного Кузьменкова на плащ-палатку и потащили впереди подразделения по направлению к теперь уже безопасному дому. Командир, заметив в чердачном окне Мотю, еле заметно махнул ему рукой. От этого дружеского приветствия на сердце стало еще теплее. Левин, тяжело хромя, спустился на первый этаж, мечтая об одном: захлеб, большими глубокими глотками выпить океан ледяной колодезной воды, пить так, чтобы вода заливала его разгоряченное лицо, холодными струями стекала за пазуху и за ворот, охлаждала горячее, раскаленное до предела сердце.

Оказавшись на лестничном пролете в просторной гостиной первого этажа, он увидел, что комната ожила. Седовласый сутулый старик в черной жилетке и клетчатой рубашке сидел на диване в центре комнаты рядом с сухонькой старушкой в коричневой кофте и белом переднике поверх широкой клетчатой юбки. Высокая светловолосая женщина лет тридцати, тридцати пяти в приталенном черном платье с ажурным белоснежным воротничком, вероятно, та самая фрау Грета, беспокойно поглядывала в окно, слегка придерживая штору красивой тонкой рукой. Конечно же, она наблюдала за приближающимися к дому русскими солдатами. Двое совершенно одинаковых рыжих упитанных мальчуганов-близнецов лет пяти о чем-то яростно спорили, стоя у камина. Знакомого серого кота не было видно, наверное, испугался взрыва и забился в укромное местечко. Единственным обитателем этого дома, который находился в постоянном движении, была румяная маленькая девчушка, от силы полутора-двух лет, в белоснежном ситцевом платьице, белых носочках и красных лаковых туфельках. Ее золотистые волосы были заплетены в две аккуратные косички, украшенные большими алыми бантами. Малышка неуклюже бродила по комнате по одному ей известному маршруту, поочередно совершая короткие остановки рядом с матерью, стариками, братьями-близнецами и пришедшимся ко

двору Клаусом, который уже успел стянуть с себя военный мундир и, на зависть Левину, жадно пил воду из белого фарфорового кувшина. При этом кроха пылливо заглядывала в глаза каждому, словно хотела что-то спросить. А может, она просто играла в какую-то увлекательную игру, вдруг родившуюся в ее прелестной маленькой головке.

Было такое ощущение, что эту немецкую семью война застала внезапно, нарушив стройную череду обыденных домашних дел. Как будто они собирались на семейную прогулку в парк, зоосад или в кинотеатр, не думая, не гадая о том, что надежный, мудрый и заботливый глава семейства покинет их в опасности, доверив жизнь и судьбу каждого случайным обстоятельствам. И что их добрый уютный дом в одно мгновение превратится в неприступную крепость, извергающую смертоносный огонь, жадно пожирающий жизни непрощенных чужаков. И что для них война закончится, когда в этот дом без спросу проберется маленький кривоногий еврей в советской военной форме и, забравшись под самую крышу, вернет им долгожданную тишину.

Появление в гостиной хромого русского солдата с кровоточащей губой как будто совсем не испугало семейство (по всей видимости, шустрый Клаус уже успел рассказать о нем). Малышка вообще не удостоила его своим вниманием, как несуществующего персонажа ее игры. Близнецы вдруг прекратили свой спор и в две пары зеленых глаз с любопытством уставились на незнакомца. Взрослые же смотрели на него, нет — не испуганно и даже не настороженно, — во взгляде каждого была какая-то глубокая обреченность, словно они всецело отдавали себя и детей в руки чужака, не имея ни сил, ни желания, чтобы сопротивляться ему или молить о пощаде. Даже когда солдат притронулся к цевью автомата, среди присутствующих в комнате ничего не изменилось. Только старик положил свою широкую бугристую ладонь поверх сухонькой жилистой руки жены, а фрау Грета, не отходя от окна, мягко прижалась спиной к стене, так, что можно было подробно разглядеть ее правильные черты лица и точеную фигуру. В гостиной царило полное безмолвие, только дальняя канонада напоминала о войне, и было слышно, как шуршат занавески на приоткрытом окне да топаят по паркету маленькие косолапые ножки в красных лаковых туфельках.

Левин прислонил к перилам еще не остывший ППШ, а сам осторожно, не желая нарушить эту и без того хрупкую тишину, присел прямо на ступеньки, вытянув перед собой ноющую от боли ногу. Он мог, не задерживаясь в этом чужом ему доме, выйти во двор и присоединиться к родному взводу, но что-то цепко держало его и не хотело отпускать. Может быть, этот давно недоступный ему и почти забытый семейный

быт, уют и покой под крышей посреди бушующего страстями и огнем пространства? Он сомкнул тяжелые набухшие веки и представил, что вместо этой незнакомой ему немецкой семьи рядом с ним оказались дочурка Раечка, жена Софа, мама Циля, папа Абель, бабушка Рахель и дедушка Ефим. И неожиданно для всех, не открывая глаз, он тихо, еле шевеля губами, запел на идише:

Пойте с нами, пойте с нами...
Чири-бим, чири-бом...

Пойте с нами, деточки,
И пусть над головами
Летает эта песенка
С веселыми словами.
А мама варит суп с лапшой,
вареники и кашу,
дрейдл²⁴ крутится целый день
под эту песню нашу.

Эту шуточную песенку в детстве пела ему мама, а позже он исполнял ее для своей маленькой дочурки. Слова наизусть знала вся семья Левиных и часто весело и с задором исполняла ее на три голоса за праздничным столом. Раечка по-детски сильно картавила, но всегда силилась безошибочно пропеть каждый звук, особенно на припеве: «Чири-бим, чири-бом!» Дедушка Ефим вставал в полный рост и старательно, но уж очень смешно дирижировал. Бабушка Рахель от этого заливалась на удивление молодым беззаботным смехом. А мама притворно сердилась: ну неужели нет другой песни? Всегда одно и то же! И все же радостно пела вместе со всеми.

Он на мгновение умолк, откашлялся и уже более громко продолжил:

Чири-бим, чири-бом...

Однажды вышел погулять
Наш досточтимый ребе,
но вдруг ударил сильный дождь
из черной тучи в небе.
Промокший ребе крикнул туче:
«Уж хватит этой пытки!»

²⁴ Четырехгранный волчок, с которым, согласно традиции, дети играют во время еврейского праздника Ханука.

Все хасиды сухими были тогда,
Лишь ребе наш промок до нитки.

Чири-бим, чири-бом²⁵...

Когда Мотя перестал петь и разомкнул веки, то увидел, что прямо перед ним стоит розовощекая маленькая путешественница. Невольно подумалось: «Нет, она совсем не похожа на мою Раечку — худенькую, чернявую, кареглазую». Девочка внимательно смотрела ему прямо в глаза. Ага, — догадался Левин, — он удостоен высокой чести быть принятым в игру! И даже через боль в рассеченной губе попытался улыбнуться, но совсем забыл, как это делается, и вместо улыбки получилась какая-то несуразная гримаса. А девчушка протянула к нему свою белоснежную пухленькую ручку и вложила в черную от копоти, задубевшую от мозолей ладонь что-то гладкое и теплое, заботливо согретое в ее крохотной кукольной ладошке.

И сразу же воздух в комнате стал легче, как будто приоткрытое окно выпустило в огнедышащий город ту общую скованность, которая витала здесь еще минуту назад. Фрау Грета улыбнулась — еле заметно, самыми краешками тонких губ, и легким движением руки уложила в прическу упавшую на тонкий лоб темную прядь. Пожилая чета, переглянувшись, как по команде засияла широкими улыбками, обрамленными ажуром множества добрых морщинок. Старик закивал головой, мол — бери, бери, не стесняйся! Близнецы синхронно прикрыли рты ладошками, сдерживаясь перед незнакомцем, но смех упорно прорывался сквозь растопыренные пухлые пальчики.

Маленькая игрунья, вдруг изменившая только ей известные правила игры, удовлетворенно заиграла ямочками на румяных щечках. Неизвестно откуда снова появился большой серый кот и вальяжно похозяйски прошествовал к камину.

10.

Уже стоя на крыльце дома во внутреннем дворике с вещмешком за спиной и ППШ на правом плече он раскрыл ладонь, и сразу же заиграла на ней веселыми бликами маленькая фарфоровая фигурка поварен-

²⁵ Старинная еврейская песня о еврейском празднике Пурим, в оригинале исполняется на идише. Праздник Пурим установлен согласно библейской Книге Есфири, в память о спасении евреев, проживавших на территории Древней Персии, от истребления Аманом-амаликитянином, любимцем царя Артаксеркса.

ка — солонка из старинного столового прибора: смеющийся голубоглазый мальчуган с толстыми розовыми щечками в переднике, покрывающем круглый животик, и пышном белом колпаке с множеством крохотных дырочек. В пухлой ручке он сжимал большой, в половину его роста, половник. На донышке фигурки рядом с отверстием, наглухо запертым рукотворной газетной пробкой, значилась черная циферка «9».

Мотя сомкнул ладонь, и поваренок исчез, но продолжал в своем надежном укрытии источать какое-то особенное тепло детской ладошки, сохраненное фарфором. А на вновь открытой широкой солдатской ладони фарфоровый малыш снова широко и задорно улыбался, словно и нет вовсе войны, как будто вот-вот начнется обед большой дружной семьи, и он на широком столе будет щедро раздавать каждому, кто пожелает, белоснежную икрающуюся на свету соль.

Казалось, что теплое весеннее солнце щекочет мальчишке его курносый носик, и от этого поваренок еще пуще заходится милым беззаботным детским смехом. Невозможно было оторвать взгляд от этой смешной незамысловатой рожицы! Время внезапно застыло, как будто какой-то добрый-добрый волшебник решил в награду Мотелю Левину за его незавидную судьбушку продлить это теплое, радостное и совершенно мирное мгновение.

Странно все сложилось. Мотя даже не смог сразу осознать, что произошло в его измученном, скорбящем сердце, в эти несколько минут, в этом совершенно чужом ему доме. Ведь он ждал этого часа всю долгую войну. Через пыль, грязь, огонь и кровь он прорывался к этому ненавистному городу, к этому логову жестокого беспощадного зверя, лишившего его самого дорогого на свете — его любимой семьи, вырвавшего из души радость и любовь, мечты и чаяния. Четыре года назад в блиндаже под Москвой он поклялся вернуть все с лихвой, по закону справедливости (око за око, зуб за зуб, кровь за кровь) отомстить и таким образом обрести покой в беспокойной, израненной войною душе. Но что-то сломало внутри тот отточенный ненавистью стержень, уже напоенный чужой кровью во многих жестоких схватках.

Невольно оказавшись в кругу другой семьи, совсем ему незнакомой, со своим укладом, порядками и традициями, он вышел из этого круга уже другим. Тепло руки невинного перед Богом и людьми ребенка как по мановению волшебной палочки возродило в нем давно забытые чувства. Сжимая в руке фарфорового поваренка — маленького символа семейного уюта, он даже через толщ мозолей ощущал это тепло каждой клеточкой кожи, оно медленно просачивалось через поры и приятно разливалось по всему телу.

— Du, Russe! Ich habe dich betrogen! Ich bin kein Jude!²⁶

Волшебство мгновенно растаяло, испарилось, спугнутое простуженным, противно писклявым голосочком. И добрый волшебник, разгневанный этим грубым вторжением в его сказку, с громким хлопком закрыл свою волшебную книгу и вернул ее случайного читателя в суровую, далеко не добрую действительность.

Пуля дзынькнула о медали и горячей иглою вонзилась в грудь точно на уровне сердца. Медленно оседая на крыльцо, сквозь застилавшую глаза плотную бордовую пелену он успел заметить в большом распахнутом окне золотоволосую малышку с широко раскрытыми удивленными глазами цвета весеннего неба и из последних сил крепко-крепко сжал в ладони фарфорового поваренка.

Чири-бим, чири-бом...
Вот говорят, местечко Хелем
полно дураками,
мы все б сияли красотой,
были б мы с мозгами.
Смеются хелмцы всем назло
с рассвета до заката.
Скажите, кто ж из нас дурак,
А кто ума палата.
Чири-бим, чири-бом...

Он стоял перед большим праздничным столом, за которым в какой-то серебристой искрящейся дымке сидела и дружно пела вся его любимая семья. Раечка музыкально картавила, дедушка Ефим с воодушевлением под задорный смех бабушки играл роль дирижера. А мама, как всегда, будто бы сердилась: ну что за глупая песня! Потом вдруг в комнате воцарилась звенящая тишина, а мама с печальной улыбкой посмотрела на Мотю и с ласковой ноткой в голосе произнесла:

— Где ж ты ходил, Мотя? Тебя только за смертью посылать, ж аува шэли²⁷. Мацебрай²⁸ совсем остыл, — каждым произнесенным словом мама согривала его, — соль-то принес, сынок?

— Да, мама, принес, — ответил он, но голоса почему-то не было слышно.

²⁶ Эй, русский! Я тебя обманул! Я не еврей (нем.).

²⁷ Любимый мой (иврит).

²⁸ Еврейское национальное блюдо, которое готовят на праздник Песах, в его основе — маца, яйцо, лук, чеснок, грибы и специи.

Мотя сделал шаг к столу и поставил рядом с блюдом, наполненным мацебраем, смешного фарфорового поваренка — солонку из старинного столового сервиза.

Как только он сделал шаг к столу, чтобы присесть рядом с дочкой и обнять ее узенькие плечи, матушка остановила его:

— Не надо сынок. Рано тебе отдыхать. Ступай себе с Богом. Впереди у тебя дальняя дорога...

11.

— Слава Богу, очнулся сердешный! Эко тебя немец проклятый посек! Чтоб ему провалиться окаянному! Дыши, дыши глубже, касатик, вдыхай жизнь, родненький! Жить теперь будешь до-о-олго!

Он почему-то знал, что санитарку, сейчас суетившуюся у его госпитальной койки, зовут тетя Таня, и что муж ее погиб под Киевом, а сын пропал без вести в боях за Польшу. И еще знал, что тетя Таня щедро делится с ранеными своим рабочим пайком, а сама обходится «чайком да с сухариком». Вот и сейчас она положила ему на подушку у самого уха два кусочка сероватого сахара, погладила мягкой материнской ладонью по давно не бритой щеке и умчалась по каким-то неотложным делам.

Постепенно выбираясь из тягучего, серого, неуютного, со вспышками острой боли полусознания, Мотя медленным внимательным взглядом обводил палату. Первое, что он увидел, это высокие сводчатые потолки с лепниной в виде множества крылатых ангелочков. Через широко открытое большое окно с марлей, заменяющей занавеску, комната наполнялась ярким солнечным светом. Потом взгляд бегло прошелся по двум рядам теснившихся друг к другу панцирных коек: две — с обнаженной ребристой сеткой и скрученными к ногам матрасами; ту расстеленную, видно, ненадолго покинул хозяин; на кровати у окна кто-то большой и длинный громко храпел, прикрыв лицо разворотом «Красноармейской правды» с броской надписью: «Враг разбит! Победа за нами!»²⁹. А на соседней койке — как же он сразу не заметил! — весь в бинтах, сильно похудевший, но, как всегда, гладко выбритый, возлежал на боку его родной взводный — лейтенант Прохор Семенович Кузьменков, и приветливо улыбался Моте!

— С возвращением тебя, герой! Победу ты, конечно, проспал, но твои положенные фронтовые еще плещутся у меня во фляге, — на радостях

²⁹ Через несколько дней после Победы в номере этой армейской газеты с такой фразой было размещено обращение И. В. Сталина к народу.

Кузьменков даже помахал ему забинтованной рукой, точно так, как тогда на Штралауэр Штрассе.

— Девять дней ты в бреду нам свою судьбинushку нелегкую рассказывал. Семью твою всю поименно выучил. Вот только никак не смикетил: кто такие Клаус да фрау Грета? Ох, гляди, солдат, СМЕРШ³⁰ и после Победы работает исправно.

Победа! Живой взводный! И он вроде как выжил! Чувства переполняли грудь! Мотя даже попытался приподняться, но резкая боль в груди вернула его в прежнее положение.

— Лежи, солдат! Чего не по делу дергаешься?

Кузьменков проворно вскочил со своей койки, на лету прихватил костыль и в три прыжка оказался на подоконнике, умудрившись во время своего неповторимого полета оттяпать кусок газеты прямо с лица длиннющего храпуна. Удобно устроившись, он вытащил из кармана свой любимый кисет, желтыми от постоянной дружбы с самосадам пальцами выцепил из него щепотку махорки и несколькими ловкими движениями соорудил солидную самокрутку, так называемую «козью ножку».

— Эх, на минутку мы не успели к тебе! Эсэсовца того пузатого хотели там же во дворе прикопать, но не простым он оказался — кажись, штабной посыльный, и конверт с печатями при себе имел. Харю мы его жирную, конечно, серьезно подправили и таким живописно разрисованным прям в штаб дивизии и доставили.

Взводный глубоко с наслаждением затынулся и продолжил.

— Через недельку после того нас с тобой военхирург Ногаллер³¹ поочередно заштопал (тебя, промежду прочим, первым), Сашка Галаburда притащил в палату фляжку водки по случаю Победы. И мы с ребятами из всего, что было, соорудили приличный праздничный стол — тушенка, хлеб с лучком, корочке, все по-барски (ты-то в это время какую-то песню в бреду на своем тарабарском мямлил).

Ногтем указательного пальца он аккуратно стряхнул на ладонь горку пепла.

— Так вот. Когда Сашка захмелел, то поведал мне, что в тот день он, будучи в карауле, нес службу «на часах» у штаба и через открытое окно слышал допрос этого самого фашистского сержанта. Тот, со страху в штаны наложив, наплел, что принадлежит к еврейской нации (Мотя

³⁰ Сокращенное «Смерть шпионам» — система контрразведывательных подразделений в РККА в период Великой Отечественной войны.

³¹ Ногаллер Александр Михайлович, в 1945 году — гвардии майор медицинской службы, начальник отделения 180 ХППГ, с 1941 по 1945 г. находился в действующей армии, после войны — доктор медицинских наук, профессор, член Нью-Йоркской академии наук.

хмыкнул), а немцам служил по принуждению. И состоял этот подбитый нами гамадрил писарем при штабе бельгийской дивизии СС, обороняющей Берлин³². А последние два дня из-за нарушения связи и больших потерь как коренной берлинец, хорошо знающий город и сверху, и под землей, использовался начальством как посыльный для связи с другими германскими частями.

Кузьменков досмолил свою самокрутку и запустил пепел с ладони по ветру.

— Он-то и тебя принял за такого же посыльного и решил, гад, выслужаться — притащить в свой гадюшник еще один пакет, только с нашими секретами. А в пакете, что при нем был, как раз и значились сведения о ближайших планах его эсесовской кодлы. Так что ты, Мотя, молодец вдвойне! Командир тебя к Ордену Славы представил! Коли дырку, солдат!

Потом командир взглянул на забинтованную Мотину грудь, смущенно извинился за неуместную шутку и добавил:

— Твои-то медальки не зря на гимнастерке болтались, они первыми пулю и приняли. Она же, окаянная, срикошетила от них, полет свой замедлила и до сердца самую малость не дошла. Военхирург Ногаллер так и сказал: «Героя его же награды и сберегли...».

— Опять, Семеныч, махру смолишь в палате?! — раздался от двери грудной голос тети Тани. — Я вот скажу доктору, и выпишет он тебя отседова без выздоровления!

Санитарка притворно грозно зыркнула взглядом на Кузьменкова и пошире распахнула окно, так что в палате отчетливей стало слышно многоголосое щебетание птиц, а марлевая занавеска заволновалась от нежного касания легкого теплого ветерка.

— А ты чего ж, соколик, сахарок не сосешь? Соси, соси, милай, глюкозку то, окрепнешь скорее. Сейчас и кашка подоспеет, покормим тебя.

Тетя Таня присела на край Мотиной койки, заговорщицки извлекла из бокового кармана белоснежного халата и вложила в его влажную пятерню нечто очень знакомое на ощупь — гладкое и теплое. Он, еле дыша, медленно и очень осторожно разжал пальцы. На дрожащей, исхудавшей за несколько дней ладони радостно бликовал под лучами солнца и беззвучно заливался беззаботным ребячьим смехом его (теперь уже его) поваренок!

— Ты, милочек, уж больно крепко его держал, никак не хотел отпускать. А как Ногаллер пулю из тебя вытянул, ладошка сама и разжалась.

Тетя Таня ловко сунула ему в приоткрытый рот кусок сахара и продолжила:

³² В мае 1945 года Берлин защищали бельгийские дивизии СС «Лангемарк» и «Валлония».

— Так он и стоял на подоконнике в операционной, пока ты между небом и землей маялся. Каждому раненому своими губенками улыбался, а им, сердешным, вроде и легче становилось. Фельдшер наш хотел себе забрать, да не дала я. А как в руку его возьмешь, то теплее становится, то ли солнцем нагретый, то ли глина такая, а может, кажется все это.

Мотя слушал тетю Таню, сжимая в руке улыбаху-поваренка, и доброе тепло разливалось по телу, а перед глазами кружилась та маленькая золотоволосая игрунья, доверчиво впустившая его в свою загадочную игру.

Потом поваренок по-хозяйски разместился на Мотиной прикроватной тумбочке и с улыбкой наблюдал, как бойцы уплетают перловую кашу на сливочном масле.

Подкрепившись, Мотя, не устояв под натиском Кузьменкова, неохотно поведал ему обо всем, что произошло в том самом немецком особняке. Взводный участливо кивал седой головой, словно пытался поддержать Левина даже в его воспоминаниях.

Вдруг с койки у окна раздался громкий бас:

— Ну і дурень же ти, солдатик. Брязгальцу марну від нимчурь приволік. Хіба ж це трафей? Курям на сміх!³³

Здоровенный увалень свесил ноги с койки и продел громадные босые ступни в такие же громадные шлепанцы.

— У тих буржуів можна було б цацки и красившее, та багатше реквізувати³⁴, — богатырь звучно высморкался в клетчатый носовой платок. — У мене ось посилочка зі шматьем німецьким для моеї Маруські дуже знатна вийшла. Трофей, так трофей!³⁵

Кузьменков резко оборвал его:

— Сам ты дурак, Непитайленко! Жене тряпки германские шлешь! Ну, пофорсит она в них год-другой, да на ветошь и пустит. А ежели ты ее с голодухи ежегодно брюхатить будешь, так шмотки эти лишь моли на прокорм пойдут!

Взводный резко вскочил с кровати и судорожно схватился за костыль (вот-вот запустит в неразумного Непитайленко!).

— А здеся дитя невинное солдату русскому в благодарность от чистой душонки своей младенческой отдало. За подвиг его! За то, что не

³³ Ну и дурак же ты, солдатик! Побрякушку бесполезную от немчурь приволок. Разве ж это трофей? Курям на смех! (укр.)

³⁴ У тех буржуев можно было бы цацки красившее да побогаче реквизировать (укр.).

³⁵ У меня вот посилочка со шматьем германским для моей Маруські очень знатная получилась! Трофей, так трофей! (укр.)

очерствел он на войне этой проклятой, и не мстить им пришел, не грабить, не убивать! А защиту дал да покой дому их вернул! Память теперича — и семье той немецкой, и ему на всю жизнь!

Он ласково глянул на поваренка и для убедительности закончил тем же, с чего начинал:

— Дурак ты, Непитайленко, ох и дурак!

12.

Через три недели Кузьменков с громадной дымящейся самокруткой в зубах, умело орудуя костылями, провожал его, еще хромающего, с деревянной тростью, до госпитальных ворот. Обнялись на прощание. Мотя сунул командиру в карман госпитальной пижамы кусочек сала в газетной упаковке, неизвестно откуда добытый тетей Таней. Потом взводный долго махал ему вслед, как будто чувствовал, что больше они никогда не встретятся. Военком Кузьменков Прохор Семенович героически погибнет в бою 31 октября 1945 года в украинском городе Станислав³⁶, обороняя родной военный комиссариат от налета местной банды бандеровцев³⁷.

Чтобы дознаться от стоящей на ближайшем перекрестке регулировщицы, чернявой круглолицей дивчины, о направлении движения к штабу его родного полка, пришлось предъявить книжку красноармейца и справку о выписке из госпиталя. Молодица вслух по слогам прочитала: «Крас-но-ар-ме-ец Ле-вин Мо-тель А-бе-ле-вич», — и неожиданно спросила:

— Немец, что ли? — и покосилась на его горящие на солнце медали.

«Вот же, глупая девка!» — разозлился Мотя, и вслух сердито с вызовом выкрикнул:

— Русский я! Не видно, что ли?

«Глупая девка» надула губки и выбросила руку с флажком в направлении штаба.

Не успел красноармеец Левин и двух шагов отойти от бдительной регулировщицы, как за его спиной заскрипели тормоза и раздался протяжный автомобильный гудок.

³⁶ В 1962 году указом Президиума Верховного Совета УССР, «принимая во внимание пожелания коллективов промышленных предприятий, колхозов, совхозов, учебных заведений и ходатайство общественных организаций», областной центр Украины Станислав был переименован в Ивано-Франковск.

³⁷ 31 октября 1945 года курень УПА «Бешеные» под командованием Резуна (Василия Андруска) совершил нападение на отдел НКВД, обком партии, военкомат, аптеки, магазины, склады, квартиры партактива и сотрудников госбезопасности в городе Станислав.

— Куда прешь, кульгавый?! Или на обе ноги захромать хочешь?! — водитель, чубастый сержант с пышными буденовскими усами орал на Мотю совершенно беззлобно, расплываясь в широкой белозубой улыбке на загорелом молодом лице.

Новенький «Виллис» без номеров с открытым верхом задорно тархтел движком, словно радовался, на пару со своим возницей, солнечно-му июньскому деньку.

Мотя сразу узнал водителя командира дивизии Лешку Соловьева, весельчака и балагура, и при этом настоящего героя — полного кавалера орденов Славы, которые ровненько в рядок блестели на широкой Лехиной груди.

И вот уже резвый «Виллис», только что принятый Лешкой от американских союзников, бодро вез Мотю по германской столице, то и дело пугая резким гудком зазевавшихся прохожих. Послевоенный Берлин напоминал разбуженный солнцем большой муравейник, и в то же время был похож на многочисленный разношерстный военный гарнизон. Кроме русских по улицам бродили (по одиночке, парами, группами) американские и английские солдаты³⁸. В каждом квартале женские рабочие команды³⁹ разбирали непроходимые завалы. Пыхтели дымком, источая аромат солдатской каши, походные кухни. К ним выстраивались длинные очереди голодных немцев с кастрюлями, мисками, котелками. Из репродукторов над руинами поверженной столицы на весь окрест звучали «Темная ночь», «Давай закурим», «Землянка», «Валенки»⁴⁰.

Повсеместно боец с гармонью собирал вокруг себя танцующую и поющую компанию. Леха, всю дорогу без умолку болтавший о делах в дивизии, вдруг резко затормозил на пяточке у Бранденбургских ворот, вылетел из машины, бесцеремонно растолкал торговцев часами⁴¹ и ворвался в тесный круг танцующих под аккомпанемент старенького трофейного аккордеона. Заломил руки за шею и поплыл гоголем вдоль толпы, потом

³⁸ Французские войска присоединились к оккупационным силам в Германии только 26 июля 1945 года.

³⁹ Через три недели после освобождения Берлина шестьдесят тысяч его жительниц были призваны на разбор завалов, за что получали по 12 марок в день и карточки на бесплатное питание.

⁴⁰ Песни, исполнявшиеся советскими певцами в годы Великой Отечественной войны.

⁴¹ В 1945 году у Бранденбургских ворот образовалась торговая «толкучка»: американские и английские военнослужащие продавали различные вещи (самым популярным товаром были наручные часы), и в основном советские и французские солдаты и офицеры их покупали. Основную массу торговцев и покупателей составляли немцы (из воспоминаний советского ученого-генетика Н. В. Тимофеева-Ресовского).

вдруг присви́стнул, соколом выпрыгнул вверх, лягну́л обеими ногами воздух, — жаром блеснули Лешкины ордена, да надраенные до блеска сапоги, — и, приземлившись, на мостовую, пошел, пошел вприсядку!

А чуть поодаль понуро и нестройно брела грязно-серая колонна пленных. Последним, сильно хромая на правую ногу, плелся толстяк в черном эсесовском мундире с оторванным рукавом. Он затравленно озирался по сторонам, спотыкался о булыжник мостовой и постоянно отставал от колонны. Мотя узнал своего старого знакомого — шарфюрера СС. Когда колонна поравнялась с припаркованным «Виллисом», Левин, опершись на трость, встал в полный рост, и они встретились взглядами. Эсесовец замер на месте, не отводя глаз, вытянулся во фрунт, высоко вздернул подбородок и браво приложил раскрытую ладонь к помятому головному убору. Дюжий конвоир толкнул его в плечо, так что толстяк тяжело грохнулся на четвереньки.

Мотя в душе даже пожалел калеку. Не думал, не гадал он, что через многие годы судьба сведет их снова.

13.

Разумяненный после лихой пляски Соловьев уверенно гнал «Виллис» по набережной, ловко огибая многочисленные воронки и груды камней. Повинуясь жесту регулировщицы: «Объезд», — он круто заложил влево (Мотя успел ухватиться за поручень), и после указателя на русском: «В центр», — прибавил газку. За поворотом, после череды серых с кучами щебня руин взору открылся знакомый сквер с редкими тополями и ровными стрелками узких алей. За месяц кроны деревьев стали еще пышнее, а листва из нежно-зеленой перекрасилась в насыщенный форстерит. Вот тот пригорок, за которым он готовился к бою, сейчас за ним покажется широкий двор с низким ажурным заборчиком и красавец особняк под красной черепичной крышей. Сердце сладостно заныло, и по телу разлилось приятное тепло. Судьба снова привела его к этому дому, который он еще недавно ненавидел всей душой, и к которому он этой же душой неожиданно прикипел. К дому, который стал неприступным смертоносным бастионом для горстки бойцов стрелкового взвода, и над которым была одержана их первая победа в логове зверя. Здесь он впервые за много лет прикоснулся к доброму семейному уюту — чужому и одновременно близкому ему, и где голубоглазая кроха в своей сказочной игре волшебным образом растворила жившую у самого его сердца лютую ненависть.

Машина свободно на холостых оборотах скатилась с горки, вильнула по грунтовке между деревьями и вынырнула из тенистой аллеи на ши-

рокий тракт, за которым тянулась Штралауэр Штрассе. Мотя расстегнул левый нагрудный карман и достал фарфоровую фигурку поваренка. Он еще не знал, зачем. Может, для того чтобы продолжить незаконченную игру и вернуть этот фант его хозяйке. Или чтобы просто напомнить о себе, показав поваренка, и сказать ей: «Я снова пришел. Но сегодня никто не будет убит. Мы просто будем играть».

— Притормози-ка, браток, — он слегка похлопал шофера по погону.

Небосклон над Берлином потемнел, и панорама изуродованного войной города, и без того не красочная, стала похожей на большое черно-белое фото. Молнии яркими неоновыми нитями заискрились между тяжелых чернильных туч, канонада небесных орудий громовыми раскатами потрясла небесную твердь, и небо щедро разверзлось мощными потоками желтоватой воды. И за этой стеной холодного июньского ливня, словно расплывчатый мираж посреди туманной равнины, перед взором рядового Левина вместо прекрасного величественного особняка предстали уродливые бесформенные руины. Над черным обугленным остовом армейского грузовика высилась бесцветная груда битого кирпича и черепицы с белоснежной эмалированной ванной посередине. Сквозь мутную водяную толщю на вершине завала еле просматривался серый силуэт какого-то человека в дождевике, неспешно копающегося в камнях.

Сержант резво выскользнул из-за руля и, смачно матерясь, стал спешно натягивать брезентовую крышу автомобиля. Мотя, неумело опираясь на госпитальную трость, стараясь не споткнуться, приблизился к незнакомцу и, перекрикивая шум дождя, обратился к нему:

— Guten Tag! Wo sind die Einwohner dieses Hauses?⁴²

Человек с трудом выпрямился и повернулся лицом к солдату. Под глубоким капюшоном угадывалось худое морщинистое лицо старика. Он долго и внимательно с высоты руин смотрел на Мотю, потом обыденно, так, как будто об этом сообщает каждый день, сипло прокричал:

— Alle sind tot⁴³.

Потом отвернулся и снова занялся своим делом.

— Да ты, браток, промок насквозь, — Соловьев встретил его своей широкой белозубой улыбкой.

Мотя даже не взглянул на товарища и молча присел на мокрое сидение. Слезы тоненькими ручейками стекали по впалым щекам, смешиваясь с каплями дождя. Орденоносный герой Леха Соловьев — весельчак

⁴² Здравствуйте! А где сейчас жильцы этого дома? (нем.)

⁴³ Они все погибли! (нем.)

и балагур, даже и предположить не мог, что сидящий рядом любимец полка, бесстрашный в бою и беспощадный к врагу рядовой Левин в эту минуту горько плакал. И казалось Моте, что та самая злосчастная пуля не извлечена из груди умелым хирургом, а шевелится у самого сердца и больно прожигает путь к нему, чтобы завершить свое черное дело.

Он даже не сообразил сначала, что, преодолев какое-то расстояние, «Виллис» замер прямо у Рейхстага, втиснувшись между груд оплавленных камней и черных остовов боевой техники, среди громадных воронок, доверху заполненных тяжелой серой водой. Черная громада здания, нещадно израненная снарядами и пулями, беспомощно мокла под вездесущим дождем. А на широких ступенях парадной входной группы, как на троне, восседал молоденький солдатик плащ-палатке и вдохновенно играл на губной гармошке.

Леха бодро выпрыгнул из машины, и в его руках, как по волшебству, возникли алюминиевый бидончик с белой краской и широкая плоская кисть.

Отвечая на вопросительный взгляд товарища, сержант с широкой белозубой улыбкой из-под поникших под дождем казацких усов промолвил:

— У танкистов раздобыл по случаю за литр шнапса, — и размашисто, под аккомпанемент трофейной гармоники старательно вывел на черной шершавой стене: «Сержант Леха Соловьев, Кубань», — и завершил сию незамысловатую фреску большим восклицательным знаком.

Когда кисть оказалась в руке Моти, он не спеша, почти ученическим подчерком, завершил задуманную Лехой композицию скромной надписью: «Мотя Левин из Бобруйска».

14.

Через неделю фарфоровый поваренок-улыбака, бережно уложенный в деревянную шкатулку рядом с семейной фотографией Левиных, двумя письмами жены Софы и предписанием о демобилизации и постановке на воинский учет, следовал со своим хозяином по маршруту победителей: Берлин — Брест — Минск.

Мотя с новеньким блестящим орденом, потеснившим на груди боевые медали, подселился к противотанковому отделению родного полка в изрядно потрепанный войной вагон-теплушку.

Орден ему лично перед строем за день до отъезда вручил командир дивизии. Но прежде о том, что произошло в том памятном доме, его долго и подробно расспрашивал начальник особого отдела майор Кругликов. Когда Мотя все описал на бумаге, тот поблагодарил его за

убористый подчerk. О золотоволосой игрунье и фарфоровом поваренке Левин не написал ни слова.

Вагон-теплушка быстро пропитался прогорклым духом солдатских портянок и домашнего табака-самосада. Строгий старлей⁴⁴ — комендант поезда — проверил всех по списку. Когда прозвучало: «Рядовой Непитайленко!» — с дальнего угла прогремел уже знакомый Моте басок:

— Тута я!

— А без рядового Непитайленко, товарищ старший лейтенант, поезд не тронется. Он же трофеи на всю деревню везет, — съехидничал краснолицый сержант с «козьей ножкой» в толстых губах под черными ухоженными усами.

Теплушка взорвалась многоголосым хохотом.

— Что везете, Непитайленко? — офицер нахмурил густые брови.

Громадный украинец лениво встал с только что разложенного матраца, с досадой сбил ладонью-лопатой пилотку с бритой головы усатого сержанта и раскатисто пробасил:

— Велосипед везу, швейную машинку «Зингер» и настенные часы с маятником⁴⁵, — богатырь громко шмыгнул носом и добавил, — все законно, и документы имеются.

Поезд тронулся точно по расписанию. И закипела вагонная жизнь! По кругу передавалась солдатская фляга с немецким шнапсом, со скрежетом открывались банки с тушенкой, рекою лились солдатские байки о жарких схватках и боевых подвигах. А ближе к границе, как по команде, фронтовики, перебивая друг друга, заговорили о родных местах, семьях — матерях, женах, детишках.

Мотя всю дорогу внимательно и участливо слушал бойцов, сам же все больше молчал, от вопросов отмахивался, безотказно бегал за кипятком на полустанках и щедро делился чайной заваркой.

Варшава встречала эшелон песнями, цветами и улыбками симпатичных полек. Красноармейцы высыпали из вагона на многолюдный перрон. В опустевшей теплушке остались только Левин и Непитайленко.

— Гэй, солдатик, підкiнь-ка солі!⁴⁶ — увалень, шлепая босыми ступнями по полу, пересек пространство вагона и встал рядом.

Мотя с пониманием кивнул и молча протянул товарищу фарфорового поваренка. Не поблагодарив, тот не спеша вернулся в свой угол,

⁴⁴ Старший лейтенант в разговорном языке.

⁴⁵ Вещи, официально разрешенные для вывоза из Германии рядовым составом в 1945 году.

⁴⁶ Эй, солдатик, подкiнь-ка соли! (укр.)

вальяжно раскинулся на удобном ложе, встряхнув солонку, сдобрил солью надкушенный огурец и громко хрустнул свежим сочным овощем. Расправившись с огурцом, он по-хозяйски отправил поваренка в открытую пасть громадного трофейного чемодана и уставился выпученными глазами в открытый настежь проем вагона. Вокзал кишел людьми: девушки в ярких ситцевых платьях, торговки домашней снедью (все как на подбор в темном) и необъятная зеленая масса военных. Над перроном парил приятный запах пирожков и горохового супа со свиной тушенкой.

Левин выждал некоторое время и, в надежде на то, что попутчик прикарманил его собственность не из корысти, а по рассеянности, вежливо обратился к нему:

— Эй, браток, верни, пожалуйста, — и кивнул на чемодан, поглотивший поваренка, — эта вещь очень мне дорога.

— Не скупися, солдатику. Навіщо він тобі? У тебе ж ні вдома, ні сім'ї. А мені знадобиться⁴⁷, — Непитайленко сыто потянулся и развернул свое здоровое тело задом к перрону с явным намерением погрузиться в послеобеденный сон.

Мотя не мог поверить в то, что сейчас поваренок покинет его навсегда, унося с собой соль воспоминаний о том жестоком бое, чужом и до боли родном домашнем уюте, а самое главное — о золотоволосой голубоглазой игрунье, одарившей его своим доверием, согревшей теплом детской души, в один миг очистившей от скверны войны. Страх от предстоящей потери ледяным холодом забрался под гимнастерку и колючей морозной волною пробежался по спине. Тяжело опираясь о госпитальную трость, он подошел к верзиле и осторожно потрепал его по плечу.

— Тебе-то он зачем? Отдай!

— Та відчепися, ти, сдохлик!⁴⁸

Непитайленко повернулся на спину, лениво зевнул и, уцепившись за трофейный велосипед, поднялся во весь свой нечеловеческий рост. Верзила чванливо свысока глянул на щуплого босого Мотю и вполсилы без злости толкнул его в грудь. Перелетев через швейную машинку, Левин шмякнулся на пол, больно ударившись спиной о деревянный настил. Словно горячая игла пронзила сердце. Боль была нестерпимой. В глазах потемнело.

⁴⁷ Не жадничай, солдатик. Зачем он тебе? У тебя ж ни дома, ни семьи. А мне пригодится (укр.).

⁴⁸ Да отцепись, ты, сдохлик! (укр.)

— Отдай!

Он с трудом поднялся и, крепко сжимая трость, двинулся на обидчика (Непитайленко, согнувшись, что-то мудрил над швейной машинкой). Хлестким и сильным ударом палка глухо впечаталась в широкую необъятную спину. Верзила охнул и резко распрямился. Теперь он вышался над Мотей как могучая гора перед чахлым сухим деревцем у ее подножия. Круглое, рябое лицо горело смертельной злобой: вот-вот, и он растерзает этого маленького дерзкого человечка!

Отброшенная в сторону трость гулко ударилась о стенку. Мотя постарался принять боевую стойку, так, как когда-то, очень давно, его учили в спартаковской секции бокса: ноги полусогнуты, ступни по линии носок-пятка, правая рука — на уровне щеки, левая — чуть впереди перед подбородком, живот поджат, взгляд в лицо соперника. Он готов был сражаться! И не просто сражаться — он готов был победить!

— А ну отдай, что взял! — неожиданно раздался строгий голос сержанта; у вагона собралось все противотанковое отделение в полном составе. — А то до родной деревни пешим маршем почухаешь!

Слова прозвучали как приказ, а угроза была настолько убедительной, что Непитайленко не рискнул возразить.

Поваренок занял свое укромное место в деревянной шкатулке рядом с дорогими Мотиному сердцу вещами.

Друг за другом прозвучали паровозный гудок и команда: «По вагонам!». Красноармейцы гурьбой ввалились в теплушку, держа в руках котелки с горячим супом, хлеб, зеленый лук и ароматные польские пирожки. Снова вагон наполнился папиросным дымком, ядреным солдатским матом, былями и небылицами.

Как только состав пересек границу, все вагоны, как по команде, взорвались единым громким: «Ура!». И опять по кругу солдатская фляга, зазвучали тосты: «За Победу!», «За Родину!», «За товарища Сталина!», «За маршала Жукова!» «За матерей, жен и детей!». Заиграл хмельной гармоник, зазвучал нестройный хор прокуренных солдатских глоток.

А за окнами замелькали родные пейзажи: под безоблачной небесной лазурью — густая зелень дремучих лесов, бездонная синь рек и озер, бескрайние изумрудные луга, золотые пшеничные поля. И среди этого радующего душу яркого великолепия, как шрамы на исцеленном от тяжелой проказы теле, выделялись изрытые воронками грязные проплешины на местах недавних боев, мертвые останки военной техники со звездами и крестами, черные трубы испепеленных деревень.

Во время долгой и шумной остановки в Бресте, когда вагон снова опустел, Непитайленко подошел к сидящему в уголке Моте, положил

ему на плечо свою тяжелую широкую ладонь и смущенно, с трудом подбывая русские слова, произнес:

— Не серчай на мэнэ, солдатик! Семья у меня дужэ великая — жена да пять детишек, мал мала меньше, — богатырь неожиданно проследился, — вот и тащу все в хату, чтобы радостно им было и сытно. Ось, живой к ним вертаюсь да с гостинцами. Приеду — хоромы новые справлю с большим столом и верандой светлую, этажерку с книжками мальцам поставлю, дочку замиж выдам. Эх, життя наша!

Вытер глаза рукавом и тихо добавил:

— Негоже нам с тобою ворогами расставаться. Прости, родной, коли сможешь...

И Мотя простил. Он научился прощать. И не думал, не гадал солдат, что вскоре, когда шрамы на душе окончательно зарубцуются, а рана у сердца перестанет саднить, он заново научится любить и с благодарностью принимать чужую любовь.

15.

Дед Мотя бережно, еле касаясь подушечками пальцев, крутил в своих сухих жилистых руках фигурку фарфорового поваренка. Он так и не притронулся к чашке с давно остывшим чаем.

— Вот так, Славик, твой любимый поваренок и оказался в моем серванте. Хотя серванта в то время у меня еще не было.

Он грустно одними глазами улыбнулся и нежно погладил меня по голове.

— Прав был Непитайленко: вернулся я с фронта — ни семьи, ни дома. Снял я у Полины — овдовевшей двоюродной сестры, угол и сразу же с головой окунулся в работу. В школе меня как будто ждали и сразу взвалили на мои хилые плечи, кроме немецкого, — русский язык и литературу, географию, историю и биологию. А я и не отказывался. Учителей катастрофически не хватало, меня поэтому в спешном порядке и демобилизовали⁴⁹. Работал с раннего утра до позднего вечера, а по ночам за кружкой крепкого чая проверял детские тетрадки. Так за столом у настольной лампы и засыпал. И часто в моих сновидениях наряду с безвременно ушедшими родными я видел ту самую маленькую хозяйку фарфорового поваренка. Она приветливо улыбалась мне, играя ямочками на розовых щечках, и словно что-то хотела сказать. Каждый

⁴⁹ В числе первых, еще до окончательной победы над фашизмом, из армии стали демобилизовывать учителей, чтобы быстро восстановить учебный процесс, прерванный войной и оккупацией.

раз после таких снов, прикасаясь к Торе⁵⁰ на субботней молитве, я молил Всевышнего о чуде: сделать так, чтобы эта девочка оказалась жива, чтобы слова об ее гибели оказались ложью или чудовищной ошибкой... Через год сестра за бесценюк уступила мне половину дома, по тем временам — целые хоромы. Да и нынче мне с вами в них совсем не тесно было.

Я, раззявив рот, слушал эту трогательную и одновременно захватывающую историю. Перед глазами мелькали улицы незнакомого, задыхающегося в дыму города, бегущие в атаку солдаты, злые кровожадные фашисты и разящий смертью пулемет на чердаке высокого красивого дома, храбрый солдат Мотя, маленькая золотоволосая девочка и мой любимый поваренок в какой-то таинственной, неведомой мне игре.

Мама, подперев щеку своей красивой белокожей рукой, тоже внимательно слушала — с мокрыми от слез глазами. Дед Мотя, или Мотель Абелевич, как уважительно его звали родители, в течение двух лет сдавал нам комнату на своей половине дома. «Очень удобно живем», — говорил папа и разяснял нечастым гостям, что до завода ему пять минут пути (если напрямки через железную дорогу), а Эмме, моей маме, до школы, в которой она работала учительницей, тоже рукой подать. И удовлетворенно добавлял: «Да и Славик всегда под присмотром — сухой и накормленный».

Я несколько раз бывал на работе каждого из родителей и после этих посещений с уверенностью думал, что папа немножечко привирает: расстояние, и до школы, и до завода, мне казалось невероятно громадным. А вот насчет присмотра — так это была чистая правда. Дед Мотя всегда отзывался на родительские просьбы «присмотреть за Славиком в пол глазика» во время их совместных отлучек в кинотеатр «Мир», ужин в ресторане или танцы в парке культуры и отдыха. А когда мой опекун иногда отлучался по своим делам, на смену ему с удовольствием приходила бабушка Полина с другой половины дома.

Меня такая забота абсолютно устраивала. Особенно когда к бабушке Полине приезжали погостить ее внуки — мой одноклассник Саша и его старшая сестра Ритуля. Вот же было весело! Мои игрушки (машинки, танки, солдатки и пистолетки) разносились по всем углам, и захватывающие сражения потрясали две половины просторного дома — от чулана до печной трубы на крыше. Остановить нас, разгоряченных, мо-

⁵⁰ Тору, священную книгу в иудаизме, читают в синагоге по субботам, в праздники и в дни начала месяца по еврейскому календарю, а в будни — в понедельник и четверг.

крых и оглушающе орущих, могли две вещи — малаби⁵¹ с малиновым вареньем и вставная челюсть деда Моти, которую он виртуозно доставал изо рта, чем повергал всю ватагу в неопиcуемый восторг. И мы, вымазанные по уши вареньем, хлопали в липкие ладоши и хором орал: «Еще! Еще! Дед Мотя, вынь зубы!». И снова вставная челюсть волшебнo покидала улыбающийся широкий рот.

Но была среди моих игрушек одна, которая участвовала в наших широкомасштабных баталиях исключительно в чине генералиссимуса и «самого главного командующего». Дабы уберечься от шальной вражеской пули, генералиссимус неизменно находился в «самом секретном штабе» — глубоком кармане моих латанных-перелатанных штанишек, и изредка, для обозрения театра военных действий появлялся в моей горячей потной ладошке. С вечно улыбающимся мне поваренком я каждый вечер укладывался спать, заботливо заворачивая его в носовой платок, и каждое утро он снова перемещался в карман.

Каким образом этот фарфоровый весельчак оказался у меня, я запомнил. Наверное, успокаивая истощенно орущего карапуза, на какое-то время оставшегося без мамы, дед Мотя извлек поваренка из серванта и вручил крикуну в качестве игрушки, а потом по доброте своей не смог забрать назад. Когда же мы переселялись в новую двухкомнатную квартиру в современном микрорайоне, поваренок переехал со всей семьей, укpывшись в своем «самом секретном штабе». Мама обнаружила перебежчика, когда затеяла очередную глобальную стирку, и он, вымытый до блеска, занял временное место под стеклом новенького кухонного буфета. «Надо обязательно вернуть!» — безапелляционно заявила мама, чем вызвала у меня обильный фонтан слез и истерику до икоты. А поваренок весело улыбался, как будто знал, что здесь он обосновался надолго. И каждый раз, уходя на работу, которая, как известно, находилась рядом с домом деда Моти, мама забывала пузатого весельчака в буфете, и он до вечера переселялся ко мне в карман, то и дело согревая своим добрым теплом мою ладошку.

Дед Мотя пришел проведать нас в новой квартире с моим любимым (он знал!) объеденьем — тортом «Лесная сказка», и сразу же узрел поваренка на средней полке в буфете. Мама тогда сразу густо покраснела. А мне почему-то совсем не было стыдно.

— Вы, Мотель Абелевич, уж простите Славика, — как-то уж очень жалостливо промолвила мама, — вы же знаете, как он прикипел к этой безделице, никакими уговорами не оторвать.

⁵¹ Старинный еврейский десерт вроде пудинга. В составе — молоко с крахмалом, розовая вода и обязательно сироп из роз, который в те времена часто заменялся некошерным малиновым вареньем.

— Эх, Эммочка, не удивляйтесь, но для меня, как и для Славика, это далеко не безделица.

Дед Мотя задумчиво улыбнулся, опять погладил меня по голове и продолжил свой рассказ.

— Летом сорок девятого года меня неожиданно пригласили в отдел просвещения Бобруйского облисполкома⁵², где сообщили, что моя кандидатура утверждена министерством и «соответствующими инстанциями» для долговременной командировки в Германию в составе группы советских учителей русского языка⁵³. Глядя на мою кислую физиономию (мне совсем не хотелось ехать в Германию), большой начальник в новом двубортном костюме в узкую полоску многозначительно произнес:

— Считайте это поручением партии, товарищ Левин!

Я был беспартийным, но спорить с партией не решился.

16.

За четыре прошедших года Берлин не сильно изменился. Повсеместно в глаза бросались жуткие черно-серые развалины зданий, выбоины и отверстия от пуль и снарядов на обгоревших стенах, мощеные улицы с глубокими воронками и горами камней высотой до неба.

Женские команды на руинах немного разбавились мужской силой. Главные автомобильные артерии очистились от завалов, и по городу курсировали автобусы, трамваи, грузовики и легковушки. Исправно работали магазины, торговые лавочки, кафе. Водитель служебного автобуса объяснил, почему в торговых районах пешеходные тротуары были подняты над витринами примерно на метр: повсюду валялось столько мусора, что проложить дорожки по земле оказалось выше человеческих сил, и тротуар возводился сверху.

Но люди! Казалось, что люди уже не замечали этот совсем не радостный пейзаж, эту ставшую обыденной неустроенность. Был обычный рабочий день, и Берлин жил в своем устоявшемся укладе, ставшем привычным для тысяч его жителей. Как будто и не было войны! Вот молодая пара с бежевой детской коляской переходит улицу и исчезает за дверью магазина посуды. Вот парень и девушка прижались друг к другу на лавочке, он нежно целует ее в щеку. А вот сухопарый седой старик

⁵² Бобруйская область со столицей в г. Бобруйске как административно-территориальная единица Белорусской ССР существовала с 20 сентября 1944 года по 8 января 1954 года.

⁵³ В 1949 году русский язык введен в качестве обязательного предмета во всех школах ГДР, появились школы с углубленным изучением русского языка. Советский Союз стал направлять в Восточную Германию учителей русского языка.

в плаще и шляпе, прислонившись к красной кирпичной стене, внимательно изучает разворот «Neues Deutschland»⁵⁴. Мимо бодро шествует сгорбленная старушка с белой болонкой на длинном поводке.

То, что когда-то красноармеец Левин называл «логовом зверя», превратилось в обычный послевоенный город, такой же, как тысячи городов в России, Белоруссии, Украине, Польше.

Три года Мотель проработал в средних классах общеобразовательной школы в центре Берлина. Школа несколько раз меняла адрес в связи с постоянными работами по восстановлению города. В конце концов, ее объединили с другим таким же заведением и разместили в отреставрированном здании бывшей клиники в районе активно строящейся Сталин-аллеи⁵⁵.

Так как на три места учителей русского языка претендовало четыре человека (кроме Мотеля — три женщины), он охотно согласился на предложение поработать в недавно открывшемся детском доме в Люббене⁵⁶ — небольшом уютном городишке, расположенном в полутора сотнях километров от столицы.

17.

— Работать вам придется с самой, пожалуй, сложной категорией детей послевоенной Германии. Может, слышали о таких? Вольфскиндер⁵⁷? Вся группа доставлена из Восточной Пруссии, лишь несколько сирот — из Берлина, — по-военному чеканя каждое слово, инструктировала нового учителя фрау Хельга Шефер⁵⁸, заведующая детским домом, гордо представившаяся «директором заведения».

«Если это серое бесформенное платье сменить на военный мундир, то получится настоящий офицер вермахта», — про себя беззлобно пошутил Мотя.

⁵⁴ «Новая Германия», газета, центральный печатный орган Социалистической Единой партии Германии (СЕПГ), издавалась с 23 апреля 1946 года.

⁵⁵ Бывшая Гроссе-Франфуртер-штрассе. Символически переименована в Сталин-аллею (Шталин-аллею) в 1949 году.

⁵⁶ Один из старейших городов Германии. Первое воспоминание о нем в исторических документах появилось в 1150 году.

⁵⁷ Дети-беспризорники из Восточной Пруссии, которые во время бегства немецких семей в 1945 году в ходе наступления советских войск терялись, не успевая за обозами, или становились сиротами.

⁵⁸ Фамилия в переводе с немецкого означает «пастух-овчар».

— И вот что очень важно...

Заведующая-директор выдержала многозначительную паузу, смерила нордическим взглядом щуплую, совсем не презентабельную фигуру русского педагога (Мотель одернул новенький, купленный по случаю пиджак) и, впившись холодным взглядом ему в глаза, словно читая его мысли, возвышенным тоном воскликнула:

— Эти дети — будущее новой Германии, и работа с ними является важной частью денацификации страны!⁵⁹

Ему даже не предложили присесть, и Мотель стоял в метре от двери как без вины виноватый школьник «на ковре» у строгого директора.

Фрау Хельга, словно цитируя общевоинской устав, наставляла «этого плюгавенького, неказистого и, по всей видимости, глуповатого», как ей думалось, учителя. Ее русский был безупречен; похоже, это доставляло ей наслаждение. Лишь несколько раз она запнулась, подыскивая нужные слова.

— Sprechen Sie Deutsch. Ich spreche fließend Deutsch⁶⁰, — пришел ей на выручку Мотель.

Но протянутая рука не была принята.

— Я умышленно говорю с вами по-русски, чтобы между нами не возникло хоть какое-то недопонимание, товарищ, — на последнем слове она сделала особое ударение.

Потом наконец-то взглянула на его документы, хмыкнула и произнесла неожиданное:

— Вы немец?

— Ich bin Jude!⁶¹ — ответил Левин.

И добавил по-русски:

— Это для нашего полного взаимопонимания.

18.

Детский дом был расположен на островной части городка в огороженном восточном крыле старинного замка⁶². На первом этаже распо-

⁵⁹ Мероприятия, основанные на решениях Потсдамской конференции и направленные на очищение послевоенного германского и австрийского общества от влияния нацистской идеологии.

⁶⁰ Можете говорить на немецком. Я свободно владею немецким языком (нем.).

⁶¹ Я еврей! (нем.)

⁶² Вероятно, речь идет о средневековом замке Люббен, расположенном на южной окраине старого города Люббена.

лагалась администрация заведения, большая столовая, а также учебные классы и кабинеты учителей. Весь второй этаж был отдан под спальные помещения воспитанников. Жилые комнаты администрации и преподавателей находились на третьем этаже. Там же у чердачной лестницы в небольшом помещении размещалась библиотека. Дверь на чердак была заперта на большой амбарный замок. По этому поводу водившая Мотеля по этажам молоденькая секретарша директора — симпатичная фройляйн Агнет — дословно процитировала свою шефиню: «Это наш резерв на случай расширения штата администрации или увеличения числа воспитанников». Тут она поджала нижнюю губку и сразу же стала чем-то похожа на фрау Хельгу.

В окружении воды и зеленого сквера с тенистыми аллеями зámок выглядел весьма живописно. Но удобств его обитателям это не добавляло. В помещениях царили сырость и сквозняки, а стены беспощадно пожирала сине-зеленая плесень. Дети от этого постоянно болели, вне зависимости от времени года. Хотя питание, благодаря большим подворьям у местных жителей, было вполне сносным: свежие куриные яйца, коровье и козье молоко, творог и сыр поставлялась в интернат по расписанию — каждые понедельник и четверг.

Строгая дисциплина, установленная в интернате, ощущалась на каждом шагу. Правила, под сводом которых Мотель поставил свою неказистую подпись, в ходе инструктажа в кабинете директора, беспрекословно исполнялись каждым, кто по воле судьбы оказался в этом богоугодном заведении.

Наказания воспитанников за проступки нельзя было назвать жестокими, но все же — это были наказания: лишение десерта (неизменного сыра с медом) либо ежедневной прогулки (на срок от одного дня до месяца), назначение на дежурство по столовой (от трех дней до бесконечности). Поощрения правилами не предусматривались, потому что «быть воспитанником этого прекрасного интерната — и есть поощрение!» Так вновь процитировала мудрую директрису фройляйн Агнет у дверей порученного новому учителю третьего класса.

Как только Мотель переступил порог классной комнаты, ученики одновременно вспорхнули со своих мест и замерли. Он пробежался внимательным взглядом по каждому (обычные мальчишки и девчонки!) и кивнул головой. Дети угадали в жесте скромное приветствие слегка рассеянного человека и одновременно сели за парты. В большом светлом классе с большими окнами и высоким закругленным сводом потолка зависла тишина. Десятки глаз настороженно смотрели на нового учителя. А он улыбнулся, потеплел взглядом, положил на учительский стол классный журнал и, не присаживаясь, прочел на русском языке:

У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том:
И днем, и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей⁶³...

Он вдохновенно читал Пушкина. Дети зачарованно слушали, с таким искренним вниманием, как будто понимали каждое произнесенное слово. И в глазах каждого читалось неподдельное любопытство.

— Diese wunderschönen Gedichte wurden von dem großen russischen Dichter Alexander Puschkin geschrieben. Ich werde euch diese schöne Sprache beibringen⁶⁴.

А вечером этого же дня новый учитель смело выговаривал директрисе на чистом русском языке: почему в библиотеке нет ни одной русскоязычной книги?!

— Я безмерно уважаю великий язык Гете, Гофмана и Ремарка⁶⁵, но прибыл сюда учить детей великому языку Толстого, Чехова и Тургенева!

Потом он, «чтобы между ними не возникло хоть какое-то недопонимание», все дословно воспроизвел на немецком.

Ошарашенная фрау Хельга, явно не готовая к такой дерзости, клятвенно заверила «уважаемого товарища Левина» в том, что «эта досадная недоработка в ближайшее время будет исправлена».

На ужине за учительским столом он пил безвкусный еле теплый чай без сахара и наблюдал за детьми. Некоторых своих учеников после знакомства на уроке он успел запомнить. Вон тот рыжий у окна — Арне Зиберт, рядом с ним в больших очках — его лучший друг Вилли Кауфман. Тот маленький чернявый (очень смахивает на еврея) — это Йохан (фамилию не запомнил), за его спиной девочка со смешными русыми хвостиками — Лисбет Пройсс.

⁶³ Отрывок из поэмы «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина.

⁶⁴ Эти красивые стихи написал великий русский поэт Александр Пушкин. Я научу вас этому прекрасному языку (нем.).

⁶⁵ Великие немецкие писатели.

А та худенькая светловолосая девчушка с большими голубыми глазами и чуть вздернутым носиком показалась ему как будто давно знакомой. Анна Леманн! Он запомнил ее первой — очень примечательная девочка. Волосы удивительной белизны, словно сияющая на солнце пшеница, гармонично сочетались с громадными, небесной синевы глазами с легкой поволокой. Короткая стрижка и худоба делали ее похожей на мальчишку.

На первом же уроке Анна продемонстрировала категорическое нежелание учить русский. Как он не просил ее воспроизвести самые простые слова, девочка упорно молчала, при этом спокойно, с каким-то дерзким вызовом, смотрела прямо в глаза. Ее тетрадка по чистописанию после урока осталась нетронутой.

19.

Жизнь вошла в свою привычную колею. На общение с детьми уходила бо́льшая часть времени: уроки, совместные прогулки по острову (в город выходить правилами запрещалось), вечерние игры (еще в Берлине у старьевщика он купил русское лото и здесь обучил в него играть всех желающих). Персонал интерната, сплошь одни дамы, быстро принял его в свой разноликий круг. Многие из коллег, включая суровую директрису, даже пытались перейти с ним на более близкие связи. Но Мотель старался поддерживать со всеми ровные приятельские отношения, принципиально не выделяя никого из общей массы сослуживцев.

Единственным кроме него мужчиной в заведении был старый вдовец, хромой серб Вук Илич — дворник, он же садовник и водитель старенького грузовичка, который содержался под всевозможные нужды. Они сразу сдружились, и своей маленькой мужской компанией часто засиживались вечерами в небольшом уютном дворике, окруженном высокими пихтами, и вели долгие беседы о жизни. Много говорили о войне — Вук воевал в первую мировую, награждался серебряной медалью «Милоша Обилича за храбрость»⁶⁶, был дважды ранен, и с гордостью демонстрировал свой «очень надежный протез» на левой ноге. Спорили о справедливой и несправедливой войне, и вообще — о том, что такое справедливость. Также много и жарко спорили о мире. Серб захлеб доказывал, что мир — это состояние непостоянное, потому что «войны являются локомотивами цивилизации». Мотель доказывал, что все споры можно решать мирно, по согласию, но, вспоминая недавнее

⁶⁶ Была учреждена королем Сербии Петром I в 1913 году вместо медали «За храбрость». Вручалась в двух классах: золотом и серебряном.

глобальное побоище, сам себе не верил. Вук от этого торжествующе хохотал и крепко хлопал проигравшего спор оппонента по хилой спине.

Когда умер Сталин, они несколько вечеров подряд до поздней ночи говорили об «отце народов». Впрочем, это не был спор, и каждый раз беседа сводилась к одному.

— Сталин выиграл эту войну! — громогласно, как будто с трибуны, восклицал Илич.

— А сам Иосиф Виссарионович говорил, что войну выиграл простой русский солдат, — поправлял собеседника Левин.

— Это еще раз подтверждает величие гения, граничащее с его неподдельной скромностью!

— А как же маршал Жуков?

— Да! Жуков — это талантливый полководец! А Сталин — гениальный политик планетарного масштаба! — в запале продолжал Вук.

Мотель не хотел спорить, и придерживался, по его мнению, «золотой середины»:

— У нас в стране много талантливых и дальновидных политиков.

— Талантливых, но не гениальных, — задумчиво, с какой-то философской ноткой в голосе, произносил умный дворник. — Поверь мне, Мотя, без Сталина Россия ослабнет! Настанет время, когда ее — больную и изможденную — начнут кромсать на части, как волки рвут на куски некогда сильное тело смертельно болящего медведя, и не потому, что они хотят им поужинать! Нет! Они подло и жестоко мстят умирающему великану за его былую силу и величие!

После этих слов слезы выступали на выцветших глазах старого серба. И тогда, как бы успокаивая его, Мотель ободряюще говорил:

— Ничего! Мы всю свою историю падаем и поднимаемся, падаем и поднимаемся. И если даже после этой большой Победы нам когда-нибудь суждено споткнуться, то мы удержимся на ногах и отобьемся от любых, самых лютых хищников.

Левин настолько уверенно говорил это, что Илич уважительно похлопывал его по плечу, после чего бережно, как ценный хрусталь, доставал из внутреннего кармана потрепанного пиджачка потертую солдатскую флягу, и они по очереди прикладывались к ее резному горлышку.

С детьми Мотель сблизился тоже быстро. Он сам попросил, чтобы воспитанники звали его не «учитель», как было определено правилами, а по имени, что вызывало раздражение фрау Хельги, но сильно сблизало нового наставника с учениками. Особенно это выручало во время совместных игр, «где все равны», как говорил сам Мотель — «без чинов и званий».

Изучение русского языка в такой доброжелательной атмосфере продвигалось довольно успешно. К концу первого полугодия большая

часть класса довольно сносно написала диктант. Только Анна Леманн сдала на проверку чистый листочек. Она почему-то сторонилась нового учителя и неохотно вступала с ним в разговоры, если даже он обращался к ней на ее родном языке. Левин не ставил оценок этой странной ученице, а на вопросы директрисы отвечал, что девочка «находится в затянувшемся адаптационном периоде», и умышленно не переводил эту замысловатую фразу на немецкий. Выпускница Московского государственного университета фрау Хельга не могла это сделать самостоятельно и, притворно изображая полное понимание, глубокомысленно кивала головой с идеально уложенными седеющими волосами.

Порой, когда закадычный друг Вук убывал в город на побывку к своим детям и внукам, Мотель допоздна засиживался в библиотеке, где с упоением познавал на родном языке авторов содержание каким-то чудом сохранившихся томиков Гете и Вальтера.

20.

Вук Илич, как обычно забросав кузов грузовичка большими бельевыми тюками и алюминиевыми молочными бидонами, после ужина укатил в город, чтобы переночевать у дочки, а поутру, с еще теплым молоком с ближайшей фермы и свежим бельем от только ему знакомой белойойки, вернуться в интернат.

Мотель, сильно уставший за день, решил отойти ко сну пораньше. Но заснуть он так и не смог: мягкое одеяло сегодня казалось раздражающе колючим, комната с ее вечными сквозняками превратилась в мучительно душный чулан, а ветер за окном завывал как никогда громко и заунывно.

«Ну что ж, под эти леденящие душу посвисты, сам Бог велел перечитать Фауста⁶⁷», — подумал учитель. Стремглав, скользя по надраенному паркету босыми пятками, он влетел в зал библиотеки. Книга, раскрытая на любимом месте, ждала его на том же столе, где он оставил ее в начале недели.

Уменье жить придет само собою,
Лишь верь в себя, так жизнь
Возьмешь ты с бою!⁶⁸

⁶⁷ Философская трагедия, которая считается главным трудом И. Ф. фон Гете.

⁶⁸ Слова Мефистофеля — одного из центральных персонажей трагедии «Фауст».

Мотель вполголоса несколько раз повторил понравившийся ему отрывок бессмертной трагедии. Густая пихта за окном настойчиво стучалась в темное стекло. Свет в настольной лампе неровно мигал в такт электрическим толчкам в городской сети. К этим неудобствам он, поглощенный захватывающим сюжетом, быстро привык. Но какие-то посторонние шумы над головой заставляли раз за разом прерывать чтение и напрягать слух. Вот скрипнули несмазанные петли двери, после короткой паузы послышались легкие осторожные шаги, несколько раз сипло пропели старые сухие половицы, затем кто-то сдавленно, наверное, зажимая рот ладонью, чихнул.

Мотель отложил книгу в сторону и решительно встал из-за стола, потом осторожно на цыпочках заскочил в свою комнату и достал из чемодана армейский фонарик — фронтовой подарок комвзвода Кузьменкова. Когда, преодолев пролет из пяти деревянных ступеней, он подкрался к выходу на чердак, шутливая, до безобразия глупая мысль мелькнула в голове: «Надеюсь, что там не пулеметный расчет!» Собственная шутка ему не понравилась.

Так и есть — замок открыт и болтается в свободной петле. Левин просунул голову в темный проем за приоткрытой дверью, и она предательски заскрипела. Луч фонаря успел выхватить маленькую черную фигурку, птичкой взлетевшую с облюбованного ею места — длинного деревянного ящика. Толстая книга вслед за большим цилиндрическим фонариком со страшным грохотом шлепнулась на пол, а фигурка растворилась в темноте.

Он поднял книгу, бережно смахнул с нее чердачную пыль, осветил обложку и громко прочел:

— А. С. Пушкин! «Сказки»!

Вот это сюрприз! Кто-то из обитателей заведения читал Пушкина в оригинале!

— Если благородный почитатель таланта великого русского поэта самостоятельно, а не притянутый за уши, восстанет из тьмы, — Мотель медленно водил лучом фонарика по сторонам, — то завтра же напротив его фамилии в классном журнале будет выставлена первая в истории заведения отличная оценка по русскому языку!

Тишина, украшенная свистом ветра в каминном дымоходе, была ему ответом.

— А еще, в качестве премии, я дам ему почитать «Евгения Онегина» и «Повести Белкина»⁶⁹.

Он выдержал паузу и произнес все сказанное на немецком.

⁶⁹ Цикл повестей А. С. Пушкина.

В дальнем углу послышался еле уловимый шорох, и таинственный посетитель чердака нежным детским голоском (на чистом русском!) промолвил:

— Мне не нужна отличная оценка! А вот от книг не откажусь!

И в метре от него в луче фонаря, как по волшебству, возник худой темный силуэт со всколоченной мальчишечьей шевелюрой.

Мотель чуть опустил фонарик и сразу же узнал в таинственном незнакомце свою неразговорчивую ученицу — белокурую Анну Леманн! Девочка, как и он, была без обуви, на узкие плечики поверх длинной ночной рубашки был накинут толстый клетчатый плед, непослушные вихры венчали короткую стрижку «под мальчика».

21.

— Конечно же, ключ от чердака и аккумуляторы для фонарика тебе периодически поставляет господин Илич, — чтобы не разбудить учительский этаж, Левин перешел на шепот.

Анна не ответила, и он понял, что угадал.

— Только не говори, что русскому тебя научил он же.

— Нет, не он, а фрау Нина — русская нянька из моего прошлого приюта, — так же шепотом ответила девочка.

Учитель и ученица, не сговариваясь, одновременно присели на длинный деревянный ящик. Каждый держал в руке собственный фонарик. Книга, наобум открытая Мотелем на иллюстрации с царством славного Салтана⁷⁰, лежала между ними.

— Почему же ты не желаешь говорить по-русски на уроке? — как бы между прочим спросил Левин.

Девочка ответила не сразу. Луч от ее фонарика задорно бегал по стене, оживляя диковинные тени от разнообразной чердачной утвари.

— В том приюте, где я жила раньше, меня дразнили русской и часто били — на прогулке, в столовой, в спальне, били даже ночью, накинув одеяло на лицо, — она вытерла глаза уголком пледа. — А все оттого, что я как-то заговорила по-русски, забыв, что я немка. Потом меня привезли сюда, и я снова стала немецкой девочкой, такой же, как все дети вокруг. И я не хочу, чтобы меня снова били!

Она поднялась, опасливо глянула на темное окошко, как будто за ним кто-то был, спрятала под плед книгу и, опережая вопрос Левина, пояснила:

— Это подарок фрау Нины.

⁷⁰ Персонаж произведения А. С. Пушкина «Сказка о царе Салтане».

И, как чердачный завсегда, уверенно обошла груды хлама и бесшумно выскользнула за дверь.

Мотель остался наедине со своими мыслями об этой маленькой несчастной девочке. Кто она? Откуда? Кто ее родители? Откуда такая тяга к русскому? Ответы на вопросы были где-то рядом или очень далеко.

22.

На очередном уроке после диктанта Анна Леманн снова сдала чистый листочек. День прошел в обычной суете. А вечером на садовой скамейке под припорошенной первым снежком пихтой Илич, многократно приложившийся к своей бездонной фляге, огорошил Левина очередным философским перлом на тему большой политики:

— Вот ты говоришь, что русские помогают немцам забыть нацизм, кормят их своей вкусной кашей с маслом и учат своему прекрасному языку для того, чтобы Германия стала ближе к Советам? Чтобы стерла из памяти антироссийские постулаты Фридриха⁷¹, Вильгельма⁷², Бисмарка⁷³, Гитлера и из клана заклятых врагов перешла в ряды ваших союзников? Но это же чистой воды утопия! Цветы на могиле Мора⁷⁴ никогда не завянут! Поверь мне, если не мы с тобой, так наши внуки станут очевидцами очередной эксгумации нетленных идей прусских императоров и германских канцлеров! И снова забурлит в заводских котлах крупповская сталь! Древние мостовые застонут под чеканящими шаг факелоносцами с эсесовскими штандартами над строем! И миллионы штыков снова оцетинятся своими смертоносными остриями на Восток!

В запале Вук размашисто хлопал Мотеля по спине. Тому не хотелось сегодня спорить, хотя то, что нес в горячке пьяный серб, не выдерживало никакой критики. Мотель отказался от предложения «еще по глоточку», пожелал «старому выжившему из ума политикану» приятных сновидений и поднялся в свой номер.

В помещении было невыносимо душно. Он распахнул форточку, впустил в комнату приятную ночную прохладу, поставил на электроплитку алюминиевый чайник и принялся стелить постель.

⁷¹ Король Пруссии.

⁷² Король Пруссии, позднее коронованный императором Германии.

⁷³ Первый канцлер Германской империи.

⁷⁴ Томас Мор — английский юрист, философ и писатель-гуманист, автор книги «Утопия» (1516 год).

За звуком закипающего чайника он не сразу услышал, как кто-то легко, будто кошачьей лапкой, раз за разом царапался в дверь. Но звук невидимых коготков становился все громче и громче. Наверное, кот Максимилиан — любимец всех воспитанников, проживавший в интернатской столовой и иногда бродивший по зданию и внутреннему дворику. Впрочем, до третьего этажа из-за чрезмерной лени никогда еще не добирался.

— Царап-царап, царап-царап, — чутко отзывалась сухая фанера на настойчивые прикосновения.

Мотель не любил котов, и открыл дверь, только чтобы прогнать наглого непрошеного гостя. Но в полутемном коридоре у порога его комнаты стояла босая Анна в белой ночной рубашке, с клетчатым пледом на худеньких плечах.

— Ты обещал мне книги, — заговорщицки прошептала девочка, осматриваясь по сторонам. — Эту, — она извлекла из-под пледа уже известный ему томик Пушкина, — я знаю наизусть.

Мотель не сильно удивился ее визиту — он как будто ждал его после встречи на чердаке. После того, как Анна доверила ему маленькую печальную страничку из своей прошлой жизни, Левин неожиданно стал понимать эту странную, не похожую ни на кого девочку, распознавать ее мысли по взгляду, по движению бровей или еле заметному жесту худенькой ручки. И сегодня во время урока, повторяя громко вслух примеры качественных прилагательных «высокий», «сильный», «смелый», «добрый», он вдруг встретился с ней глазами и прочитал в ее бездонно голубых зрачках: «Я не все тебе сказала, там на чердаке...».

И вот она стоит перед ним. Мотель так же заговорщицки посмотрел по сторонам (длинный коридор был совершенно пуст, из спальни директрисы раздавался молодецкий храп) и впустил ночную гостью в комнату. Это было вопиющим нарушением правил!

— Чай с клубничным вареньем будешь? — ему почему-то подумалось, что Анна любит клубничное варенье.

Она кивнула. Левин залил пахучую заварку крутым кипятком и прямо из банки до краев наполнил стеклянную вазочку тягучим рубиновым джемом с красивыми крупными ягодами — гордостью серба Илича.

Анна, усевшись на краешек кровати, внимательно осматривала его скромное жилище. Оставив чай завариваться в пузатом фарфоровом чайничке, Мотель подошел к старинной высокой этажерке, снизу доверху заполненной книгами. Уверенно взял одну из них, открыл на заложенной странице и вполголоса зачитал: «В самом деле, что было бы с нами, если бы вместо общеудобного правила — чин чина почитай, вве-

лось в употребление другое: ум ума почитай? Какие возникли бы споры! И слуги с кого бы начинали кушанье подавать?⁷⁵».

— Ну-ка, юная фройляйн, где тут спряталось качественное прилагательное? — и с шутливым прищуром взглянул на девочку.

Но Анна совсем не смотрела на него и, кажется, не слышала с таким вдохновением процитированные строки. Ее взгляд был устремлен мимо Мотеля, куда-то за его спину. Не успел он поинтересоваться, в чем дело, как девочка в два прыжка одолела расстояние от кровати до книжной этажерки, и в ее ладошке оказался фарфоровый добряк-поваренок. Она нежно прижала фигурку к груди и, глядя Мотелю прямо в глаза, с милой улыбкой на губках вдруг тоненько запела:

Чири-бим, чири-бом,
Чири-бим, чири-бом...

Левин не поверил своим ушам! Ведь эту песенку он пел только в кругу своей семьи, и всего один-единственный раз, непонятно зачем, исполнил перед случайными зрителями после жестокого боя в немецком особняке!

Все всплыло перед глазами, как будто было вчера. Память в подробностях воспроизвела тот неожиданный для всех момент, когда на последних строчках смешная кроха с васильковым взглядом и пшеничными косичками одарила его несуразным фарфоровым толстячком в поварском колпаке. Ее бездонные глаза цвета весенней лазури отражали безграничное доверие и наивную детскую радость. И сейчас этот же удивительно родной взгляд мягко проникал в самую его душу, изнывавшую в одиночестве, израненную войной, огрубевшую за годы лишений, и согревал ее своим живительным теплом.

К нему вдруг пришло осознание неслучайности и той встречи в мае сорок пятого, и исполненной им шуточной еврейской песенки, строки из которой в эту минуту послужили своеобразным паролем для узнавания друг друга через много лет.

— О, мой Бог! Скажи мне, что это не сон, — произнес Мотель и крепко обнял маленькую игруню.

Она же, не выпуская поваренка из рук, прижалась к нему своим худеньким тельцем и уткнулась носиком в грудь — туда, где, преодолевая боль, бешено стучало большое доброе сердце.

⁷⁵ Из рассказа А. С. Пушкина «Станционный смотритель» (сборник «Повести покойного Ивана Петровича Белкина»).

Они проговорили до самого утра. Чай давно остыл, любимое варенье лежало нетронутым в вазочке. Анна рассказала, как она играла во дворе, когда дом рухнул у нее на глазах, и раненый Клаус, славный добрый Клаус, привел ее в детский приют. Он навещал ее несколько раз, обещал забрать к себе, а потом пропал. Его наверняка убили, как и ее родителей. А она так и осталась в этом холодном приюте, и часто вспоминала — нет, не свою семью, а того большого доброго рыцаря с изувеченной ногой, которому она отдала под защиту своего Ганса (так, оказывается, звали фарфорового поваренка).

— А еще, Мотя, — она неожиданно назвала его не Мотелем, как было принято в интернате, а именно Мотей, как близкого человека, — я почему-то помню, как меня и еще многих детей везли в поезде... долго-долго...

Она так и уснула на его кровати, не досказав историю своей маленькой жизни, прожитой до новой встречи с «большим добрым рыцарем».

Мотель встречал пасмурный рассвет, сидя на колченогом стуле у окна. Он раз за разом затягивался крепкой папиросой и вспоминал тот красивый дом, жестокий беспощадный бой, раненого Кузьменкова, долгоязого Клауса, немецкую семью и золотоволосую игруню. Неужели это она с улыбкой на пухлых губках счастливо сопит в его постели? Что снится этой немецкой девочке, неожиданно ставшей для него родной?

Когда он нес ее, сонную, на руках, через весь коридор в спальню воспитанниц, Анна крепко обхватила его шею своими тоненькими ручонками и прошептала в самое ухо:

— Забери меня отсюда, большой добрый рыцарь...

И слезы теплыми ручейками полились из его глаз.

Сразу же после завтрака Левина вызвали к заведующей. Он стоял посреди директорского кабинета, силясь изображать смирение перед высоким начальством. Директрисе стало известно о ночном визите воспитанницы в комнату учителя.

— Я хочу знать, почему фройляйн Анна оказалась ночью в вашей комнате!

— Она пришла за книгами.

Мотель ответил без промедления и уверенно, ведь это была суцая правда.

— За книгами? Ночью?

Понимая, как невероятно звучат его слова, рядовой Левин пошел в наступление:

— Да! Именно за книгами, фрау Хельга! Девочка пришла за книгами, написанными великим поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным на русском языке!

— Почему она это сделала ночью? — не унималась директриса.

И снова Мотель нашелся с ответом — и снова сказал чистейшую правду:

— Да потому, что днем эти книги у нее отняли бы другие дети, которые тоже хотят читать на русском языке!

Он приволок фрау Хельгу в спальню девочек и, отвернув матрас на койке Анны Леманн, продемонстрировал «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» и томик «Евгения Онегина», бережно уложенные на панцирную сетку.

В этот момент в спальню походкой кряквы вошла хорошенькая фройляйн Агнет с выпирающим круглым животиком. Она чересчур театрально подчеркивала свою беременность. На этот раз девушка демонстративно поглаживала живот обеими пухленькими ладошками. Не заметив какой-либо реакции от окружающих, она обидчиво надула губки.

Мотель не хотел говорить при свидетелях, но чувствовал, что обязан именно сейчас напомнить фрау Хельге о ее невыполненном обещании:

— Это будет происходить, пока в интернат не привезут книги на русском языке! Вы знаете, когда это, наконец, осуществится, госпожа директор?!

Это была победа! Директриса, невольно защищаясь от столь дерзкой атаки, сразу же заняла глухую оборону. Она нервно кольнула взглядом застывшую рядом секретаршу и, понизив тон, еле слышно промямлила:

— Книг на русском, товарищ Левин, в Германии днем с костром не найдешь.

— Днем с огнем, — поправил Мотель.

И жестко добавил:

— На кострах здесь совсем недавно и сожгли все книги на русском.

И с прищуром посмотрел на фрау Хельгу, так, как будто она и совершила это варварство.

Он даже и не предполагал, что был очень близок к истине. До войны фрау (тогда еще фройляйн) Хельга состояла в Немецком студенческом союзе⁷⁶ и не раз грелась с соратниками у больших костров, безвозвратно пожирающих в своем пламени великие произведения русских классиков⁷⁷.

Неприступная крепость была разрушена в мелкую щебенку! Каждым своим словом Мотель бил точно в цель, и фрау Хельга капитулировала.

⁷⁶ Немецкий студенческий союз с 1919 по 1945 год представлял собой объединение немецких университетов. С 1931 года в нем доминировала национал-социалистическая студенческая лига, которая сыграла большую роль в нацистских сожжениях книг.

⁷⁷ Публичное сожжение книг с 1933 года осуществлялось в семидесяти городах Германии по причине их несоответствия идеологии национал-социализма.

В сопровождении демонстративно сочувствующей ей фройляйн Агнет директриса направилась к выходу. Учитель русского языка опередил процессию и загородил собою выход. Выждав паузу, спокойно, старательно выговаривая каждое слово (чтобы немке было все понятно), произнес:

— Я хочу удочерить эту девочку.

И повторил фразу на немецком.

У членов процессии одновременно расширились глаза. Фрау Агнет схватилась за живот, но директор филигранно (вот что значит опыт!) взяла ситуацию в свои руки. Она окинула бунтаря-учителя своим холодным взглядом:

— Я подумаю над вашей просьбой, товарищ Левин, и извещу вас о своем решении до окончания учебного года.

Фраза была произнесена на безукоризненном русском языке.

Окончание следует...